

ЛЕНА СОКОЛ

Сердце
на
абочих

Молодежная серия

Лена Сокол

Сердце на двоих

«Автор»

2018

Сокол Л.

Сердце на двоих / Л. Сокол — «Автор», 2018 — (Молодежная серия)

Их двое. Они – близнецы. Похожие, как две капли воды, но совершенно разные. Их жизнь переворачивается, когда один просит другого подменить его на свидании с симпатичной незнакомкой. Илья влюбляется в загадочную девушку всей душой, Кирилл – покоряет ее сердце. Ревность, предательство и месть разделяют братьев непреодолимой стеной. И решить их судьбу может только она – странница, по следам которой мчатся страшные чудовища прошлого. Книга также издавалась под названием «Нана».

© Сокол Л., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	6
1	8
2	10
3	15
4	19
5	23
6	28
7	34
8	39
9	43
10	47
11	51
12	55
13	59
14	63
15	65
16	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Лена Сокол

Сердце на двоих

© Лена Сокол

* * *

«Глаза могут обмануть, а вот сердце – никогда»

*«Мы близнецы, мы все делим пополам. То, что его – мое, а то, что
мое – тоже мое»*

Х/ф «Двадцатый век» («Novecento»)

Пролог

Это не Он

Капли дождя смешивались со слезами и сбегали теплыми струйками по шее. Они забирались под воротник тонкой кожаной куртки и противно саднили кожу. Я до боли прикусила губу, и во рту немедленно распространился неприятный металлический привкус крови.

Ба-бах!

Одновременно с жутким грохотом темное небо разрезала яркая молния. Вспыхнула и исчезла, заставив меня вздрогнуть. И вдруг опомниться.

Что я здесь делаю? Зачем жду его? Поговорить? Но о чем?..

Я откинула прядь мокрых волос с лица и решительно двинулась прочь. Вдоль по улице вниз, в ту сторону, куда утекали потоки воды. Дождь опять усиливался, уже хлестал меня по щекам, забирался в глаза, в уши, бесцеремонно лез под одежду. Промокшие джинсы противно липли к ногам.

Не выдержав, я побежала.

Прочь от него. Прочь отсюда. Из этого города, из его жизни. С обещанием самой себе больше не верить никогда и никому.

А ведь еще хотела открыть ему свою тайну, глупая. Думала, выслушает, поверит, примет тебя такой... Стиснула зубы и зачем-то дала волю слезам, чего не позволяла себе с самой смерти матери.

Сама не поняла, как преодолела расстояние до здания старого вокзала. Быстро взобралась по железной лестнице, тянущейся длинной змеей вдоль стены до самого верха. Замерзшими руками достала ключи, вставила в замок и повернула. Массивная металлическая дверь отворилась со скрипом.

Я вошла внутрь и хлопнула ею так, чтобы уши заложило. Чтобы еще больнее себе сделать. Сделала несколько шагов и принялась искать глазами рюкзак. Опять дорога, опять города, новые люди, новые лица, скитания...

Да чтобы оно все... провалилось... Куда идти? В такой час. В такую погоду.

Я замерла у огромного окна, по которому барабанили холодные капли. Приложила дрожащие ладони к стеклу. Город ничего не чувствовал: все так же горели окна высоток, мелькали огни машин, снующих туда-сюда. Из-за них на чердаке старого вокзала никогда не было темно. Тысячи огней. И света луны не надо. Весь мир как на ладони. И я перед ним. Одна.

Остервенело сорвала с себя мокрую куртку, швырнула на пол и принялась лихорадочно сдирать водолазку.

Завтра. Меня. Здесь. Не. Будет!

И вдруг застыла, услышав скрип входной двери. Сердце шумно ухнуло вниз. Еще и лицо, как назло, застряло в дурацком вороте. Сдернула наспех водолазку и обернулась.

Там стоял Он.

Он!

Мокрый весь, растерянный. Почему? Ну, да – ему же не приходилось раньше видеть меня без одежды. Опустив взгляд в пол, парень принялся жадно хватать ртом воздух. В этот момент дверь за его спиной неожиданно захлопнулась и отрезала нас от шума дождя. Мы остались в странной, пронзительной и зыбкой тишине.

– Ты?

Я освободила руки от рукавов и бросила промокшую почти насквозь водолазку прямо на пыльный каменный пол. Сделала шаг навстречу. Еще шаг.

Всего час назад мне так много хотелось ему сказать. Признаться, что растеряна, что совершенно не понимаю, что с нами творится такое, что запуталась в собственных чувствах. Но сейчас... Увидела его, и сомнения словно рассеялись.

Он стоял, не решаясь подойти и взглянуть в глаза. Тонул в неловкости и волнении и, кажется, подбирал какие-то слова. К чему они теперь? Я смотрела на него и понимала, что все сомнения были такой глупостью. Пустяком, нелепостью.

Он здесь. И он мой. Высокий, тревожно ссутулившийся, с капающими с кончиков мягких каштановых волос каплями дождевой воды. Такой знакомый, привычный и понятный. Кажется, дотронься – и все проблемы решатся сами собой.

– Я пришел, чтобы сказать... – Начал он, стоило мне подойти вплотную и взглянуть в его глаза, в которых отражались сейчас все огни ночного города.

– Не надо, – попросила я, хватаясь за край его влажной футболки и оттягивая на себя.

Мы ссорились не из-за чего. Все же было просто. Только ты и я, остальное – выдуманные нами же самими проблемы. И я тебе сейчас это докажу: мой поцелуй скажет лучше тысячи слов.

Встала на цыпочки, потянулась вверх и коснулась его нежных и таких горячих губ. Ему пришлось наклониться мне навстречу. Я мягко коснулась ладонью его шеи, прижалась и поцеловала еще жарче: теперь уже по-настоящему. И он ответил мне так, словно для него это было в первый раз – вот так целовать меня, касаться моих влажных губ.

Твердые теплые ладони, скользившие по моей пояснице, ощутимо подрагивали: он не хотел этого показывать, но совершенно точно волновался. Хотел доказать, что может быть нежным. Дать той трепетной ласки, которой не одаривал прежде. И теперь я его узнавала. Узнавала того мальчишку, каким он был на нашем первом свидании: настоящим, открытым, добрым, чутким.

Прижалась сильнее, слыша, как тихо стало вокруг. Все исчезло, кроме наших жарких объятий. Из звуков осталось только его дыхание, из ощущений – бьющееся в груди сердце. И руки: напряженные, но удивительно бережные, нежно скользящие по моей спине, обжигающие касаниями кончиков пальцев.

Я не смогла удержать стоны и закрыла глаза. Позволила обхватить себя сильнее. Окунулась в удивительно приятный мужской запах. Растворилась в нем, теряя себя, и с удвоенной силой принялась отвечать на поцелуй, становившийся все энергичнее и горячее.

Сама не поняла, как дала волю своим рукам и всем потаенным желаниям, которым прежде не давала хода, терзаясь сомнениями. Пропала, позабыв про разум и здравый смысл.

И вдруг вспышка. Озарение! В одну секунду я вдруг осознала, почему сегодня он казался мне совершенно другим. Каким-то новым, нестерпимо чутким и ласковым...

Открыла глаза и вздрогнула, встретившись с ним взглядом. Мысль, пришедшая в эту секунду в голову, ударила в подсознание ножом: это не Он!

Не Он...

1

Сколько весит ваша жизнь?

Если хотя бы на миг представить, что вам пришлось переезжать из одного города в другой то, как бы вы перевозили свои вещи? Наверняка, наняли бы грузовик, чтобы могла уместиться вся мебель, техника, посуда, весь гардероб и прочие мелочи. Но на сколько килограмм бы вытянул весь этот скарб? Страшно даже подумать, да? А ведь это и есть – вся ваша жизнь.

Есть такой хороший психологический прием. Вас просят представить тяжесть вещей, которые необходимы вам для существования. Начинается все с документов, продолжается любимыми шмотками, драгоценностями, дорогими гаджетами, наушниками к ним и прочим. А еще ведь есть кровать, любимая машина, уютный дом.

С ними как быть? Не оставить же кому-то постороннему, правда? И все это, собираясь на ваших бедных плечах, становится тяжелее, давит сильнее и еще сильнее. А потом вам вдруг предлагают представить, что начался пожар. Чтобы бы вы хотели спасти из всего этого?

И вот здесь начинается самое интересное. Кто-то вспоминает про дорогие сердцу фотографии, старые безделушки, несущие определенную память. Мучительно решают, что захватить. Но на самом деле вас не должно удерживать ничего из перечисленного. Пусть горит. Чем больше вещей вас окружает, тем больше страх потерять их.

Меня зовут Нана.

И моя жизнь весит всего два килограмма.

Вся она умещается в старом сером рюкзаке из потертого текстиля и состоит из теплой толстовки с капюшоном, джинсов, паспорта, сменной пары нижнего белья, музыкального плеера, а также резинки для волос и расчески. Больше у меня нет ничего.

Вру.

Еще есть наушники, но те вечно болтаются на шее. Если только не прикрывают своими большими подушечками из искусственной розовой кожи мои замерзшие уши.

Да, ночью бывает холодно. Особенно если тебе бывает негде ночевать.

575 дней до прибытия на Старый вокзал

Из телевизора раздавались музыка и шум десятков голосов. В темной гостиной пахло пивом, потом и семечками. Отчим отдышал за просмотром очередного танцевального воскресного шоу.

Я прикрыла дверь в спальню мамы: завтра рано вставать, не хотелось, чтобы эти звуки мешали ей спать. Не включая света в коридоре, прокралась на цыпочках к дверям своей спальни. У самого порога одна из старых половиц предательски скрипнула.

Не повезло. Сердце забилось в груди отчаянно громко и быстро.

– Нана! – Послышалось из гостиной. – Нана, скорее! Иди сюда!

Его голос казался довольным и даже взбудораженным.

– М? – Спросила, не желая двигаться с места.

– Иди скорей! – Повторил нетерпеливо, и я увидела, как в выхваченном из темноты прямоугольнике света, подзывая меня, двигается его рука.

– Что? – Прошептала, все же нехотя плетясь в сторону гостиной.

– Давай, шевелись! – Привстал, убрал на столик тарелку с семечками и тяжело плюхнулся обратно в кресло. Из бумажного пакетика, оставшегося зажатым между его ляжкой и подлокотником, на пол повалилась шелуха. Его это не сколь ни беспокоило – убирать-то все равно другим.

– Мм? – Промычала, замерев в шаге от него. Сказать что-то членораздельное не хватило духа, конечности буквально свело от темных мыслей, не дававших покоя последние две недели.

– Садись! – Он, смеясь, наклонился вперед, потянул меня за запястье и в секунду усадил к себе на колени. – Сейчас объявят победителя. Это же твое любимое шоу, доча!

«Доча». Я стиснула зубы.

– Уже нет. С тех самых пор, как приходится смотреть его в твоём присутствии. – Хотелось сказать, но я все-таки промолчала.

Сидела, не шевелясь, словно окаменев, пока он наблюдал за происходящим на экране. Почти не дышала, чтобы не вдохнуть ненароком кислые пивные пары, летящие мне в шею из его рта. Не видела мелькающих в телевизоре ярких пятен, а следила лишь за потными пальцами, впившимися с нажимом в мои бедра. И с нетерпением ждала, когда пустят, наконец, финальную заставку, чтобы можно было встать и уйти в свою комнату.

2

Кирилл

– Кирюха, твой брат – точно чудик, – усмехнулся Тим, глядя в сторону гоночного трека.

Я поправил жилет-черепаху, натянул сверху джерси и посмотрел в сторону трассы. Мой брат Илья медленно шел по треку от секции к секции, изучая глазами покрытие под ногами. Да, пожалуй, для всех он выглядел сумасшедшим. Эдаким чудилой от мира суперкросса: странно-ватым парнем, неразговорчивым, сосредоточенным только на происходящем на трассе и четко понимающий свои планы и цели.

Пока другие участники общались с прессой и фотографировались с поклонницами, Илья предпочитал в сотый раз проверять байк, готовиться морально, настраиваться и сканировать взглядом трассу. Он делал это для меня. Потому что после травмы, приобретенной почти полгода назад, брат пропустил целый сезон и сам не участвовал в гонках.

– Он просто серьезно относится к делу, – я перевел взгляд на свой байк, заботливо подготовленный братом к гонке, – это для тебя, Тим, каждый заезд – очередной повод покрасоваться перед девчонками, а для него... – Улыбнулся. – Ну, в общем, парень живет этим, не то, что мы с тобой.

Я подмигнул другу. Да, мы с Тимом Левицким с недавних пор не являли собой образцы ответственных спортсменов. И вчерашний кутеж, закончившийся далеко за полночь, конечно же, не делал нам чести.

– Но в финале-то мы! А Илюха... – Левицкий дотянулся и хлопнул меня по плечу, – прости, братан, но Илюха твой сейчас в заднице.

– У него все впереди. – Я сел на скамейку и прикрыл лицо ладонью от солнца. – А я, наверное, завязываю. Всё. Этот заезд будет последним.

– Шутишь? – Лицо Тима вытянулось, он озадаченно провел рукой по ежику черных волос на макушке.

– Не вижу перспектив. – Вот здесь, признаюсь, я немного слукавил.

– Ты?

Я пожал плечами.

– А смысл? – Опустил голову и уткнулся взглядом в новенькие мотоботы. Попросту спрятав глаза от весьма пронизательного друга. – Меня уже не вставляет, надоело.

– Может, ты просто испугался? – Мне в бок снова прилетел нехилый удар. – Глядишь, Илюха восстановится и составит тебе конкуренцию. Придется с ним тягаться, а это, наверное, еще унижительнее, чем проиграть Психу, да?

В желудке неприятно заурчало. Не поминай дьявола, как говорится. Стоило только назвать его имя, как из-за угла вальяжной походкой проследовал к мойке сам Ян Коренев по прозвищу Псих. Двадцать три года, пугающая манера дергать плечом при разговоре, агрессивный стиль вождения, чертова косая сажень в плечах и бешеный взгляд, которым он нас сейчас даже не удостоил.

Гонщик в синей форме с номером «13» ленивым жестом поздоровался с бригадой, бортующей колеса в тени под тентом, хлопнул ладонью по стоящим стопкой запасным шинам и с видом победителя направился к боксам с мотоциклами и стоящими за ними многочисленными фургонами.

– Ты даже рот открыл. – Заметил Тим, как только Псих скрылся из виду.

– Что? – Спросил я, угрожающе сжимая челюсти.

– Испугался его, говорю? – Дразня, рассмеялся он и, зная мой характер, тут же сгруппировался, прикрыв грудь кулаками.

– Кого? Психа? – Внутри уже закипала волна гнева. – Ты шутишь? – Одарил друга устрашающим взглядом. – Вставай и проваливай отсюда, понял? – Оттолкнул его ребром ладони, вынудив подняться со скамьи. – Запомни, Левицкий, я никого не боюсь. Ни тебя, ни эту бешеную собаку Коренева. Всем вам надеру задницы сегодня!

– Да я так-то прикалывался... – смутился Тим, отходя от меня на шаг от греха подальше. Он поправил штаны и свою красную джерси.

– Шел бы ты лучше, переодевался и готовился, приколист недоделанный. И готовься, мой байк всех вас сегодня уделает.

– Кто? Твой кузнечик? – Заржал Тим, показывая на моего зеленого Дракона, моего горячо любимого «Kawasaki».

– Ну, все, иди сюда, – потянулся я к нему, но Тим вовремя поднял руки, показывая, что сдается.

– На трассе разберемся!

– Тебе хана, дружище. – Прорычал я, намереваясь скрутить его в бараний рог.

– Кстати, о девчонках, – остановил меня друг, указывая на ограждения, за которыми собрались уже толпы народа. – Вон, твоя пришла.

– Моя кто? Ты про кого? – Скривился я. – Про Орлову, что ли?

За забором из натянутой сетки уже размахивали руками Нинка Орлова и ее подруга Карина Зимина. Разодетые в пух и прах, при полном параде, в платьях и на каблуках, они месили землю возле ограждений, пытаясь привлечь внимание моего брата, бродившего вдоль по трассе.

– Да, про Нинку, – отозвался Тим. – Смотри, какая фигуристая.

– Нет уж, – хмыкнул я, – этот цветочек уже опыляли все, кому не лень.

– Я думал, вы это...

– Так... на один раз. – Признался я, с интересом оглядывая ее ладную попку, обтянутую коротким белым платьем.

– Или на два, – заржал Левицкий, упираясь локтями в поручни.

– Может быть. – Усмехнулся я.

В этот момент Илья нехотя оторвался от изучения грунта, посмотрел на девушек и коротко махнул рукой в знак приветствия.

– А эта Карина ничего такая... – Хищно облизнулся Тим, почесывая скулу. – Пригласишь ее сегодня на вечеринку в честь празднования моей победы?

Его победы. Как же самонадеянно.

– Обойдешься. – Я развернулся и пошел надевать остальное снаряжение. – Она на Ильюху запала. По пятам за ним ходит уже почти год.

– Да ему же все равно, – задумчиво протянул Тим. – Он у тебя не «по мальчишкам» случаем?

– Слушай, ты задрал, Левицкий. – Бросил я, резко обернувшись к нему. – Прикрой пасть, ладно? Никакой он не педик, понял? Уясни это себе уже хорошенько. – Подошел ближе и процедил сквозь зубы угрожающе: – Еще раз так скажешь...

– Все-все! – Левицкий испуганно поднял руки. – Ты чо, Кирюха, шуток не понимаешь? Спокойно, братан. Заведенный ты какой-то сегодня...

– Тим, о чем угодно, только не о моем брате, слышишь?!

– О'кей. – Он указал пальцем куда-то через плечо. – А вот и твоя Ниночка. Гляди, даже свисток накрасила. – И уже шепотом. – Для тебя старалась.

– Вот же урод, – я опустил руки и, натянув подобие улыбки, обернулся.

– Привет! – Радостно воскликнула Нина, с разбегу бросаясь мне на шею.

Высокая светловолосая девушка со слегка вздернутым носом. Стройная, с упругим прессом, накаченной попкой и модной стрижкой, открывающей изящную шею. Красивая и удобная. А главное – никаких обязательств.

– Привет, девчонки, – я приобнял ее и, случайно выронив перчатки, поморщился. Плохая примета. – Привет, Карина...

Худенькая шатенка, скромно прячущаяся за спиной подруги, улыбнулась и тут же покраснела.

– А меня ты, значит, по имени уже не приветствуешь? – Блондинка по-хозяйски вцепилась в ткань моей экипировки. Прижалась так близко, что защекотало в носу от сладости ее духов.

Я нагнулся, поднял перчатки и сжал их в руке.

– Нина, – сказал в лицо с подобающим придыханием, и на лице девушки тут же зажглась довольная улыбка. – Привет, Нина.

– Другое дело, – Орлова прижалась накрашенными губами к моим губам.

Женщины любят такие приемы – метят территорию. Меня это всегда раздражало.

– Осторожней, детка, скоро старт. – Мягко отстранился я.

Улыбнулся ей, и, напустив виноватый вид, прошелся пальцами по своим губам, стирая красные следы, которые могли там остаться.

Проследовав в другой угол бокса, чтобы продолжить подготовку к гонке, подмигнул ей. Всё, достаточно с меня вежливости. Стер улыбку с лица, опустил взгляд, взял из сумки защиту для шеи и покрутил в руках.

– Карина, – Левицкий протянул смущенной девушке руку. – Помнишь меня? Я – Тимофей. Просто хороший парень, который собирается сделать сегодня всех в финальном заезде.

– Очень приятно, – даже не оборачиваясь, ответила она. По одному только голосу девушки было понятно, что она продолжала смущаться. – Карина.

– Далеко не уходи, – тоном знающего дело охмурителя промурлыкал Тим, – совсем скоро мы сможем вместе выпить из Кубка, который я завоюю. Если ты не против, конечно.

– Я...

Ответить он ей не дал: развернулся и пошел, на прощание кивнув блондинке:

– Ниночка.

Отвесил шутовской полупоклон и удалился.

– Клоун, – прорычал я сквозь зубы, надевая наколенники.

– Ты какой-то сегодня нервный, – промурлыкала Нина, подобравшись ближе.

Какой же она временами бывала назойливой...

– Главный старт сезона, – пояснил я, стараясь нервничать меньше.

Но чем ближе приближались стрелки часов к двенадцати, тем сильнее сжимались мои внутренности в тревоге.

– Ты обязательно победишь. – Прошептала девушка, но так и не дождалась ответа. – Ладно, пойдем мы... – Произнесла она уже обиженно. – Места пока займем. Повыше...

– Угу.

Вообще мне нравилось, что Орлова была легко отходчивой. Долго не дулась, если ее отталкивали, и быстро забывала былое. Нинка всегда охотно шла на контакт. Вот и сейчас, списав все на мою нервозность перед стартом, взяла за руку подругу, махнула рукой и отправилась к зрителям.

– Не жалуешь ты ее. – Хмуро заметил Илья, появившись откуда-то со спины.

Как черт из табакерки, честное слово.

– Кого? Нинку? – Пытаясь унять сердцебиение, спросил я и посмотрел вслед удаляющимся к трибунам девичьим фигурам.

– Ее. – Подойдя к моему мотику, ответил брат.

– Сам же знаешь. – Пожал плечами. – Что там объяснять? Это ж Нинка.

Он только вздохнул и опустился на корточки рядом с Драконом. Отличный байк, папа не пожалел для меня денег. На стандартной базе, настроенный специально под спортсмена. С новыми примочками сделавшими его даже излишне мощным: таким, что механикам пришлось даже поумерить его пыл, чтобы меня не выдергивало из поворотов, и с другой коробкой, в которой я пользовался во время гонки только третьей и четвертой передачами. И со смещенными вниз и назад подножками – специально под мой рост.

– Настроил тебе подвеску. – Илья надавил на сидушку. – Задний амортизатор жестче – как раз под профиль трассы и тип грунта.

Мимо нашего бокса теперь уже в обратном направлении прошелся Псих. На этот раз не так вальяжно – старт близился, и он торопился покончить со снаряжением. Взглянул в нашу сторону мельком и, кажется, специально сузил зрачки. Смотрел не на меня – на Илюху. Ухмыльнулся довольно и подмигнул ему. Брат выпрямился, тяжело задышал, но отвечать не стал. Сжал руки в кулаки.

– Илья, – я положил ладонь ему на плечо, привлекая внимание.

Сердце в груди забилося, как бешеное.

– Что?

Черт. Черт. Черт.

– Ты должен меня спасти...

Его лицо нахмурилось.

– Я?

Момент истины.

– Выступишь за меня, брат?

Не верю, что эти слова вырвались сейчас из-за меня. Не то, чтобы мы не проделывали этот номер раньше. Проделывали и много раз. На экзаменах и даже, бывало, с собственным отцом. Илюха выручал меня, наверное, миллион раз. Но теперь по его расширенным зрачкам я понимал, что подошел слишком близко к границам дозволенного.

– Подожди, ничего не говори. – Я обхватил его плечи. – Смотри, никто ведь не знает, что ты уже восстановился после травмы. Никто не сможет отличить нас. Я же видел, ты вчера весь день круги здесь наматывал. Помогите, брат. В долгу не останусь. Обещаю.

– Спятил? – Тихо выдохнул он, опасливо оглядываясь по сторонам.

Илья

– Останешься, дядь Саш? – Кирилл быстро подозвал механика, отходившего взять себе кофе, и направил меня в сторону нашего фургона.

Буквально втолкнул внутрь, усадил на сидение и вытянул вперед руки, призывая к спокойствию. И зря. Я бы с удовольствием сейчас сказал все, что о нем думаю.

– Я совершенно серьезно. – Кирюха запустил обе пятерни себе в волосы и дернул так, что чуть не выдрал сразу пару клочков.

– Иди, знаешь куда! – Я встал и направился к выходу. – Ты просто паникуешь. Успокойся.

– Стой, стой, стой! – Сложил ладони в молитвенный жест. – Послушай. Илюха – ты здесь лучший. Мы оба это знаем. – Ого, он первый раз в жизни признавал это открыто. Надо же. – Для тебя это отличный шанс доказать, чего ты стоишь. Шанс отомстить Психу! А я... Черт... Мы вчера с Тимом так нажрались, что у меня сегодня даже руки дрожат...

И почему мне вдруг стало стыдно за его слова?

Мужик должен идти до конца, мужик не может трусить перед самым финалом. Разве нет?

– Ты же просто обделался от страха... – Шокированный услышанным, я оттолкнул его от себя. – Соберись, тряпка, и иди на старт. Соберись!

– Брат! – Он схватил меня за грудки. – Спаси меня. Это в последний раз, обещаю. Я не могу так облажаться! Мне нельзя! – Его ощутимо трясло. – Серьезные люди на меня поставили. Понимаешь? А этот Псих... он же просто меня зареет. Это мой последний заезд, и завязываю. Обещаю. Не могу же я уйти с позором? – Он дернул за мою кофту, делая умоляющие глаза. – Прикрой мою задницу. Пожалуйста! – Опустил взгляд и покачал головой. – Ты же видишь, в каком я состоянии. Меня все еще потряхивает со вчера...

– Вот же придурок, – поразился, отдирая от себя его руки. – Думал, ты мужик. Только на показательные покатушки перед девчонками и способен. Твой Тим знает, что приедет последним, и все равно идет! Не стремно тебе?

– Но я не могу быть последним!

Я нервно рассмеялся.

– В этом весь ты. – Покачал головой, видя, как Кирилл весь съежился. – Любой ценой, лишь бы победить. Самому не противно потом будет? Вчера так красовался, аж умотал мотоцикл на заездах, а сегодня вдруг испугался.

– Последний раз, брат. Честно...

Я остановился, бросил на него испепеляющий взгляд и с досады сплюнул. Нельзя. Невозможно. Даже речи быть не может. Только не это и только не так!

– Ты чертов разгильдяй, – качая головой, я протянул руку и ухватил край его джерси. – Снимай! Чо вылупился? Снимай, говорю, быстрее!

– Спасибо... – Счастье, облегчение, ликование – целая гамма эмоций была написана на его лице. – Спасибо!

– Неужели, ты так уверен, что я выиграю? – Я выдохнул устало.

Ему не очень-то хотелось признавать, но это было единственным шансом не ударить в грязь лицом.

– Да, – пробормотал, стаскивая амуницию. – Если кто и сможет, то только ты.

3

Илья

Это было желанием Кирилла пойти в мотокросс. Наша мать только умерла, и мы попали к отцу, которого не знали с самого рождения. Обеспеченный, вечно занятой, стремящийся всеми силами во власть – ему не было дела до двух мальчишек-подростков. «Решили записаться в секцию? Замечательно. Скажите, куда и сколько нужно оплатить».

Все, что угодно, лишь бы не видеть нас. Или видеть как можно реже.

Мотоциклы... Кирюха ими практически бредил. Просто сходил с ума. Овладеть стихией, подчинить ее себе, обуздать. Затем этого стало слишком мало. Для подпитки чувства собственной важности нужно было постоянно кого-то побеждать. И он выигрывал у всех. Каждый раз. За несколько лет во всей области не осталось ни единого достойного соперника, кто бы ему не подчинился.

Кроме меня.

И это жутко давило на мои плечи чувством вины. Он старался, буквально из штанов лез, пытаясь овладеть нужной техникой и приемами. А у меня все получалось само собой. Кирилл злился, раскручивал отца на все более крутые примочки, на новый байк, обмундирование, собственную команду механиков. А я по-прежнему мог одержать над ним верх на своем старом Звере.

Конечно же, поддавался ему все чаще и чаще. Так часто, как только было возможно. Потому что по-прежнему чувствовал свою вину за то, что дающееся ему с таким трудом, значившее для него несоизмеримо больше, давалось мне без особого труда.

Брат продолжал злиться и требовал не поддаваться ему, а когда я следовал его совету – он злился еще сильнее. И теперь все вокруг чувствовали, что он устал от нашего соперничества. Знали, что финал Чемпионата – отличный шанс для него уйти на пике формы и победителем. Чтобы потом можно было сказать, что ему просто стало скучно. Или надоело.

У нас было совершенно разное восприятие. С самого начала. Он укрощал байк, я с ним договаривался. Он стремился раздавить соперников, я – перехитрить. Он одерживал победу над трассой, я – над самим собой.

Мы же с ним даже в суперкроссе были разные абсолютно во всем. В подходе, в ритуалах, касающихся старта, в манере и стиле езды, а теперь я вдруг подписывался на то, чтобы нацепив номер «71» вместо своего «17», сесть на байк брата и преодолеть всю дистанцию под его именем.

Для чего? Неужели, я был таким же сумасшедшим, как и он?

Последним, что промелькнуло в голове перед тем, как согласился на это безумие, было лицо Психа. Этот больной придурок лишил меня всего буквально несколько месяцев назад: оставил лежать лицом в грязи в прямом смысле слова. Я выиграл четыре последних гонки, был лидером по очкам в пятой. Помню, тогда прошел ливень, трасса терялась где-то под глубокими лужами, и мы все знали, что будет страшное рубливо, но мне даже не довелось поучаствовать в самом интересном.

Он подрезал меня на старте, на первом же повороте. Обгонял по внутренней стороне, ударил заднем колесом своего байка мне в переднее и резко вытолкнул в край. Я слетел, ударившись плечом о землю, и... самостоятельно поднять мотик уже не смог. Почувствовал резкую боль в области ключицы и увидел натягивающую кожу переломанную кость.

Потом полз, вымешивая грязь, по скользкой трассе, прижимая руку к телу. Еле встал на ноги. Когда механики утаскивали мой байк, перелез за ограждение и сел на покрытый грязью

холм, чтобы увидеть, как Псих будет финишировать. И тот, весь облепленный жидкой глиной, все-таки прилетел к финишу первым. Гад...

А потом была операция, обезболивающие, месяцы покоя и далее месяцы тренировок, на каждой из которых я снова чувствовал боль в плече. И снова чувствовал эту боль буквально на каждой кочке, потому действовал скованно и тормозил раньше обычного. Теперь же мне предстояло вспомнить все, что я умел до травмы. Сделать даже больше, чем сделал бы, выступая за себя. Рисковать.

Потому что хотел отомстить?

Вряд ли.

Просто знал, как брату важно выиграть. Иначе, он бы не попросил меня.

* * *

Трибуны гудели. Над стадионом развевались флаги и шары, возле киосков с атрибутикой толпился народ, повсюду сверкали вспышки камер. Я подошел в зону ожидания к стартовой машине, к так называемым «воротам», где уже линейкой выстроились все гонщики. Поправил шлем, надел очки.

Мало кто бы подумал, что за Кирилла Леманна под номером «71» будет выступать его брат-близнец. Никто бы не узнал меня, тем более в такой мешанине из звуков и людей, но я все же поспешил скрыть лицо за маской и поприветствовал других гонщиков сдержанным кивком. Посторонние вряд ли бы заметили подмену, а вот Тим... Другое дело. Хорошо, что он стартовал с другого конца линии.

Зато Псих стоял совсем недалеко.

Притаптывал землю под ногами, чтобы заднее колесо не зарывалось на старте. От старта в суперкроссе обычно зависит вся судьба гонки. Главное, вырваться вперед и не сдавать потом своих позиций до конца.

Ян зыркнул на меня ненавидящим взглядом и хлопнул по пластмассе своего белого с синим шлема обеими ладонями. Шарахнул со всей дури. Устрашающий жест всегда помогал ему настраиваться на гонку.

У меня тоже имелись свои. У меня... Вот же черт...

Я оглянулся назад, туда, где стройным рядом стояли фургоны, в одном из которых сейчас, нервничая до жути, сидел мой брат. Что он там предпочитает? Помахать публике перед стартом? Я нехотя поднял руку в черной перчатке и сделал несколько осторожных движений. Толпа взвизгнула, отвечая на мое приветствие.

Дьявол...

Теперь бы сосредоточиться.

Над трассой еще стояла пыль. Земля помнила предыдущий заезд, она дышала им. Около получаса назад был главный старт у юношей. Два десятка гонщиков на 125-кубовых двухтактных мотоциклах. Уши закладывало от звука, стоящего над стадионом. Казалось, над головой собрался рой металлических пчел. Оглушающее «Бз-з-з-з-з»!

А теперь возле стартовой машины в ряд стояли и громко газовали двадцать уже 250-кубовых четырехтактных байков. Настоящий мужской звук, самый борзый, самый сладкий звук для любого мотогонщика. Словно гигантская бензопила или газонокосилка вдруг врубилась на полную мощность. «Бр-р-р-р»!!!

Уши у зрителей, наверное, закладывало, не хило.

– Эй, дракон, привет, – склонившись к рулю «Kawasaki», прошептал я в этом грохоте, – будешь меня слушаться, а? Не подведешь? Ну, давай, попробуем победить.

Улыбнулся, похлопал его по бензобаку и тут же выпрямился. Нельзя терять бдительность и выходить из образа Кирилла. Он бы сейчас сидел, отсчитывая в уме секунды и не обращая внимания ни на кого. Даже на то, что через динамики громко объявляли фамилии участников.

– Кирилл Леманн, девятнадцать лет, номер «Семьдесят один»! – Раздалось на весь стадион, и я послушно вскинул вверх руки.

Овации.

Все остальные гонщики, слыша один за другим свои имена, проделывали то же самое.

– Всего представлено двадцать гонщиков. – Доносилось из динамиков. – Из них три кандидата в мастера спорта, пять мастеров спорта и шесть мастеров спорта международного класса. Среди них есть чемпионы России, Европы, Мира...

Я провел ладонями по зеленой джерси с номером «71». «И ты не подведи», – попросил мысленно. Посмотрел налево. Из ряда сильных соперников выделил Тима на «Honda» ярко-красного цвета, махнул ему рукой, как это сделал бы Кирилл, бросил быстрый взгляд направо и хитро подмигнул Психу, во всю насилующему ручку газа на своей синей «Yamaha». А что? Скоро за нас все решит борьба.

Ну, что ж.

Настроиться. Сконцентрироваться. Поверить в себя.

Вдохнул, выдохнул. Нервно поерзал на сидении.

Моя задача – вложить всю мощь в первый рывок. Первым войти в поворот, интенсивно набрать скорость.

Я посмотрел на трассу и взглядом выбрал траекторию движения. Ужасный старт может дорого мне обойтись. Постараюсь не облажаться.

Двигатель орал уже неистово, словно больше терпеть не мог, словно жаждал скорее пуститься в бой. Пошел отсчет на табло. Все гонщики навалились на передки байков всем своим весом. Они делали это для того, чтобы не позволить машинам встать на дыбы при старте.

Три. Два. Один.

Поехали!

Едва рамка упала, я бросил сцепление и мощно дал газу. Мотик сорвался с места и полетел вперед.

Дальше будут только крыло над передним колесом, трасса с ее трамплинами и поворотами и мои руки на руле, а пока нужно любыми способами вырваться из толпы живого гудящего железа и войти в поворот.

Краем глаза я успел заметить, что несколько мотоциклов сразу завалилось в кучу на старте: гонщики попадали, раздался противный скрежет. Я сдавленно вздохнул. Не попал к ним в компанию – уже хорошо. Пара секунд, и они остались далеко позади. Прожав по внутренней, я отлично заехал в «карман». На повороте бросил молниеносный взгляд по сторонам.

Трое на спине, почти плечом к плечу. Один из них в красном – Тим, номер «99». Нельзя было позволить себе совершить ошибку. Нужно было удержаться. Передо мной маячили еще двое. Спину в синем с номером «13» я узнал сразу – это был Псих.

На следующем же повороте, круто обрезав, возвратил ему должок. Тот еле удержался в седле, но позиция теперь была за мной. Я двигался вперед, выжимая из байка максимум. Нужно было держаться, ведь удача могла отвернуться в любой момент.

Мы шли ноздря в ноздрю за спиной у лидера, номера «45». Я чувствовал себя уже вполне комфортно, несмотря на настроенную под Кирилла жесткую подвеску, бившую в плечо на каждом прыжке. Боли не ощущал, как и напряжения в мышцах – все сожрал адреналин.

На втором круге отвалился Тим: на скользком участке трассы, слишком сильно наклонился на холме. Свалился. Пока поднимал мотоцикл, мы были уже далеко.

Лидер проезжал повороты чисто, немного вилял задом, и мы приближались к нему по чуть-чуть под неукротимый рев двигателей и вой толпы. Постоянно пытались наваливаться.

«45» изо всех сил держал взятый со старта агрессивный стиль езды, в результате чего все-таки совершил ошибку и не удержал передок – грохнулся, вызвав крики изумленных трибун.

Не успел я порадоваться, как колеса начали буксовать на блестящей поверхности земли, и меня чуть не слизнуло на повороте в горку. Едва не потерял сцепление с трассой, но удержался. Зашел на следующий поворот по хорошей траектории и чуть не столкнулся с Психом, летящим наперез. Устоял. Но тот вышел вперед на прыжке.

Я пошел по правой стороне гребенки, которая уже была прикатана мной на первых десяти кругах гонки. Подобрался к Яну сзади. Увидев, что тот ошибся на песчаной секции, понял – вот шанс. Впиваясь руками в руль изо всех сил, пошел на обгон. Широко забрав на повороте, он позволил мне приблизиться и ступить едва ли не на пятки. Я подобрался так близко, что риск казался мне уже смертельным.

Не рискнешь – не выиграешь гонку.

Давай!

Выпад.

Ян решил меня подрезать привычным методом. Проглотить. Но я пропустил его вперед, резко затормозив и позволив от неожиданности залететь на ограждения. И, не забывая о идущих позади соперниках, вновь устремился по трассе.

Мастерски пройдя все волны гребенки, я пролетел и все холмы, и преодолел сложные повороты. Приказывая себе терпеть, не пропускаю других гонщиков вперед, блокируя им подступы на поворотах, я удержался в еще одной попытке меня подрезать и добавил газу при подъезде на финишную прямую.

Да!

Да-а-а!

Я в прыжке заехал под мигающую над головой вывеску с яркими буквами «FINISH», и они моментально сменились на «WINNER», что значило «победитель».

Проехав еще немного, я остановился поодаль, слез с байка и оставил его под надзором механиков. Дал обнять себя по очереди всем желающим коллегам и прошел мимо трибун, махая рукой. Никогда так не делал, но брат сделал бы точно, поэтому: снял маску и кинул ее в толпу.

Последний взмах руки на прощание. И буквально пулей полетел к фургону, где меня, сгорая от нетерпения, ожидал брат. Забежал внутрь.

– Спасибо... – Чуть не захлебнулся в эмоциях он. – Ох, брат...

Обнялись мы торопливо, затем я снял с себя грязную экипировку и отдал ему.

– Стой, придурок, – схватил его за локоть, когда тот собирался уже выскочить наружу, – намочи хоть башку. Ты двадцать кругов только что в суперкроссе проехал!

Взял бутылку, плеснул в ладошку воды, намочил и взлохматил Кириллу волосы. Он обнял меня напоследок, похлопал по спине, затем радостно зажал шлем подмышкой и поспешил на награждение.

Оставшись в одиночестве, я отдышался, переоделся, пригладил прическу и только потом почувствовал, как неприятно ноет плечо.

– Вот черт!

Накинув куртку, я вытер полотенцем лицо и шею от пыли, взял телефон, открыл дверцу наружу и... замер.

Возле фургона стояла Карина.

– Привет, – постаравшись перекричать музыку, поздоровался с ней.

Вряд ли вышло непринужденно.

– Я так и думала, – укоризненно качая головой, произнесла она.

4

Нана

Прибытие на Старый вокзал

Многотонная машина, замерев на перроне, выдохнула устало. Народ, уже толпившийся в проходах, дружно попер к выходу. Пассажиры старательно поддавливали друг друга со всех сторон.

Дождавшись, когда первая волна схлынет, я ступила осторожно в общий, уже редющий поток прибывших и тут же получила тяжелой сумкой сначала по голове, затем и по почкам.

– Осторожнее! – Проворчали мне в ухо.

Ничего себе. Меня же пытаются раздавить, и мне же делают замечания. Нормально?

Промолчала. Стиснула зубы. Мне ни к чему было привлекать к себе ненужное внимание. Даже если бы мозги через уши выдавили, не позвала бы на помощь.

– Аа-ау! Кхм. – Не удержалась, вскрикнув, когда крюк чьего-то зонта впился мне в бок.

– Маня! Маня! Привет! – Проорал кто-то сзади мне в ухо, размахивая тем самым зонтом над моей головой. – Маня, я тут! – Видимо, заметил встречающих. – Тут!

Людей на перроне было едва ли не больше, чем пассажиров поезда. Меня буквально вытолкнули вниз с подножки, и я вылетела из вагона, точно пробка из бочки. Приземлившись, все-таки устояла на ногах. Схватила за ляжки, поправила рюкзак за спиной и, опустив взгляд вниз, принялась упорно продираться сквозь толпу. Куда? Сама еще не знала. Мне предстояло это решить.

Дома у меня теперь не было. Совсем.

Пугающее ощущение, но если не сосредотачиваться на плохом, то можно было хоть на секунду, но ощутить вкус так давно желаемой свободы. И пусть мне было всего восемнадцать, и я сама лишила себя возможности получить образование и ходить по улицам, как всенормальные люди, не скрывая лица и не оглядываясь, но у меня все еще была жизнь. А это важнее. И это значило, что можно еще было попытаться отвоевать себе новую судьбу. Стать кем-то, кем даже боялась мечтать стать.

Я вошла в гудящее голосами здание вокзала. Высокие потолки, блестящий каменный пол, красивые новые кресла в зале ожидания, десятки электронных табло на стенах. Размах порадовал воображение. Куда там моему маленькому провинциальному южному городку до стандартного вокзала большого города. Такая красота! Даже дух захватывало. Столько света, все автоматизировано, удобно.

Теперь, пожалуй, оставалось разобраться, где здесь находились билетные кассы. Пройдя наугад, я остановилась у большого табло, на котором в ряд выстроились названия городов и десятки направлений. Можно было отправиться даже на восток, но таких средств у меня, конечно, не было. Отойдя в сторону и боязливо осмотревшись по сторонам, я достала из кармана джинсовки паспорт.

С фотографии на развороте на меня смотрела девушка с длинными темными волосами. Пухлые губки, прямой нос с округлым кончиком, широко распахнутые карие глаза и густые ровные черные брови. Юлиана Краснова. Настоящая красавица.

Была.

Мне было жаль ее. Безумно жаль, конечно.

Когда она, смеясь, говорила, что мы похожи, как сестры, я ей не верила. Ни капельки. Разве могут две абсолютно разных девушки с разных концов большой страны быть столь похожими друг на друга? У нее были каштановые волосы, прямые и послушные, а у меня черные,

как уголь, и вечно вьющиеся от влажности. Ужасно непослушные. Ее кожа была бледной, моя – обласканная южным солнцем, с легким оттенком бронзы и оливы. Ее нос напоминал произведение высокого искусства, мой всегда раздражал меня безобразной горбинкой.

Но она ведь так убедительно говорила: «Похожи!»

И мне даже самой захотелось поверить, что я могу быть похожей на эту прекрасную девушку из Тюмени. Где она, вообще, эта Тюмень находится?

Я подняла глаза на табло, пытаюсь отыскать нужный город. Сейчас бы смартфон, чтобы выйти в интернет, узнать маршрут, которым последует поезд. Но это я, конечно, размечталась. У меня даже часов наручных теперь не было, не то, что телефона. Да и зачем мне в Тюмень? Глупо думать, что приеду туда и буду жить ее жизнью. Как же. Обязательно найдутся знакомые, друзья, которые увидят меня и поднимут шум. Да и зачем ехать в город, которого совсем не знаю?

И вдруг я улыбнулась самой себе.

Нигде ведь раньше не бывала. Никогда не путешествовала одна. Все города этой страны для меня были новыми. Никто меня нигде не ждал. Зачем мне эта Тюмень? Там, наверное, очень холодно. Закрой глаза, ткни в любое место на табло и, если хватит оставшихся денег, поезжай туда. Или... можно остаться здесь. Тоже вариант.

Я оглянулась в сторону выхода. Массивные стеклянные двери вели в город. Что там, за ними?

Как долго можно бежать от себя, делая вид, что прячешься от других. Между нами уже тысячи километров. Он не найдет меня, потому что мертв. Они не найдут меня, потому что я мертва. Так почему не осесть? Почему не попытаться счастья здесь?

Убрав деньги и паспорт в карман, я медленно направилась к выходу. Там, за дверями, простиралась шумная площадь, по краям заставленная машинами. Незнакомая, чужая, холодная и совсем не гостеприимная.

Бойкие таксисты возле дверей нагло поджидали приезжих: приставали и «по-братски» предлагали втридорога довезти в нужный район. Может, это и было нормальной ценой для здешних мест, но я за такие деньги могла бы и до Тюмени доехать.

Сев на скамейку, я сняла рюкзак и прижала его к животу.

Вдруг сделалось так страшно, так дико. Город, простирившийся на километры, за пределами этой площади... он же просто сожрет меня... Пережует и выплюнет. Люди здесь все какие-то злые и хмурые. Улыбаются только таксисты и цыгане, окружающие плотной пестрой толпой зазевавшихся туристов. Того и гляди, до меня доберутся.

В панике я подскочила и поспешила обратно в здание. Там, в общем хаосе, можно было затеряться и почувствовать себя более-менее уютно. Там все были такими же, как я: потерянными, усталыми, зевающими, озабоченно изучающими расписание движения поездов и спешащими куда-то с чемоданами.

Пересчитав еще раз деньги, я убрала половину купюр в нагрудный кармашек. Их должно было хватить на еду и, может быть, снять какой-то угол, пока не найду способ заработать на жизнь. У меня и этого бы не было, если бы не Юлиана.

Бедняжка...

Сразу вспомнилось, как долго я стояла в тот день в магазинчике на автобусной станции, не решаясь стянуть завернутый в целлофан заветренный бургер с витрины. Никто в мою сторону даже не смотрел, но казалось, что если протяну руку и возьму его, у меня всю жизнь на лбу будет гореть позорная метка «воровка».

И как душил противной тошнотой голод, как слабели ноги и текли слюни при виде пышного румяного хлеба. Как, борясь с совестью, на какое-то мгновение я почти проиграла, но вовремя взяла себя в руки и, пошатываясь, ушла оттуда. А потом она накормила меня в автобусе пирожками с картошкой и мясом. Теплыми, ароматными, вкусными...

Я еще раз открыла паспорт и посмотрела на ее лицо. Один раз мне уже продали билет по этому документу, значит, и еще раз могло сработать. Выбрав направление, город, о котором совершенно ничего знала, я произнесла вслух: Самара. А звучало-то как красиво... Са-ма-ра...

Будь, что будет – решила я.

Вечно бегать нельзя, нужно попытаться начать там все сначала. Беру!

– Билет до Самары, пожалуйста, – промямлила в окошечко и постаралась сделать серьезное лицо.

Если задержать дыхание, то трясет от страха уже не так сильно. А если смотреть в одну точку, то людям кажется, что ты спокоен и задумчив. Вот и кассир, взглянув на меня лишь мельком, приняла паспорт, деньги и привычно быстро оформила билет. Даже не услышала, как биение моего сердца сотрясало стены здания.

– Отправление в 00:50, – монотонно проговорила она и бросила сдачу на стойку.

Ну, вот. Хорошо. Теперь у меня опять была цель. Направление.

Целую ночь в пути можно будет не думать о том, где переночевать и... как теперь жить...

Сев на новенькое белое кресло в зале ожидания, я положила рюкзак под голову. Прямо передо мной, на стене, висели большие квадратные часы. Электронные. При взгляде на них сразу заслезились глаза, веки отяжелели.

За двое суток в дороге мне удалось поспать всего несколько часов – я много думала, глядя в окно. Все прокручивала в голове, как могло бы сложиться, поступи я тогда по-другому. Но снова и снова утверждалась в мысли, что выход у меня был один – бежать. И бежать, не оглядываясь, не оставляя следов и ни о чем не жалея. А поэтому...

И сама не заметила, как тут же провалилась в сон.

Вдруг что-то лязгнуло. Я резко распахнула глаза. Чей-то чемодан проехал колесиками по моим ногам.

– Простите, – буркнул мужчина и потащил его дальше.

Приподнявшись, я попыталась привести мысли в порядок. Обхватила руками рюкзак. Облизнула пересохшие губы и потерла кулаком веки. Глянула на часы.

Без десяти час. Боже!

Вскочив, я закинула рюкзак за плечи и огляделась. Вокзал мерно гудел, мелькал десятками людей точно так же, как и в ту секунду, когда я уснула.

Наваждение...

Надо же было так устать, чтобы отрубиться прямо посреди зала ожидания у всех на виду, да еще и в такой дурацкой позе! О чем я только думала? Не могла потерпеть до поезда?

Бросившись к выходу, ведущему к путям, я на ходу принялась шарить по карманам. И вдруг остановилась. Пусто... Пусто!

В нагрудном кармане, где до этого лежали все деньги вместе с билетом, теперь было абсолютно пусто. Ничего. Ноль. Страх и паника завибрировали в грудной клетке.

В густой темноте уже проявились очертания поезда. Объявили посадку. Люди привычно сновали туда-сюда, пока я, стоя на перроне, все продолжала рыскать по карманам, надеясь на какое-то чудо. Но оно, конечно же, не произошло. Деньги пропали, билет тоже. Хорошо хоть паспорт остался. Но что мне теперь с него?

Нижняя челюсть задрожала, и слезы наполнили влагой глаза.

Не плакать. Я обещала себе. Еще давно. И уж теперь точно не стану. Подумаешь, влипла. Неужели, не придумаю выхода?

Достав из рюкзака последнее печенье, я села на скамейку и медленно втянула ноздрями его сладковатый ванильный запах. Откусила маленький кусочек и, стараясь дышать ровно, оставила его таять во рту.

Неуклюже покачиваясь, мимо меня проковыляла трехногая белая дворняга с колтунами на боках. Остановилась на секунду, глянула почти без надежды и собралась уже поскакать дальше, когда я ее окликнула:

– Эй, – и в ее потухших глазах тут же зажегся недоверчивый огонек, – стой. На!

Поломала печенье надвое и протянула ей. Собака посмотрела опасливо, словно ожидая подвоха. Подумала с пару секунд, затем сделала осторожный шаг и вытянула вперед свою забавную морду, покрытую редкой шерстью.

– На, не бойся. Держи. – Я положила кусочек печенья в полуметре от своих ног и отсела подальше, чтобы она не боялась. – Тебе, я вижу, тоже тяжело, да?

Прыг. Прыг. Нагнулась.

Осторожно взяла.

Я улыбнулась, проглотив размокшее во рту печенье. Разделила оставшийся в руке кусочек пополам и протянула один из кусочков дворняге.

– Держи еще.

5

– Девушка! – Чья-то рука толкнула меня в бок. – Де-е-евушка! – И уже грубее. – Вставайте!

– Мм? – Я приоткрыла веки и тут же, опомнившись, выпрямилась.

Передо мной стояли двое мужчин в форме. Один постарше и поплотнее, другой молодой и совершенно тощий.

Не поддаваться панике. Не натягивать глупых улыбок. Все хорошо, все нормально, я просто жду свой поезд. Просто жду.

– Что случилось? – Взяла рюкзак с подлокотника и подтянула к себе. – Я просто...

Поезд жду? Ха. Даже билеты не смогу предъявить...

Один из них наклонился к моему лицу:

– Нам сообщили, что вы здесь находитесь уже больше суток. Это правда?

– Я? – Сглотнула гораздо громче, чем планировала. Мой громко урчащий желудок также подтверждал их подозрения. – Нет. – И мотнула головой, заметив, что другие пассажиры в зале ожидания начали вставать со своих мест и отходить подальше от нас.

Робко опустив ноги в грязных кедах на пол, я потупила взор. Очень хотелось подтянуть колени к животу и сжаться в комок. Что говорить им? Что делать?

– Паспорт, пожалуйста. – Сухо попросил тот, что был постарше.

– А... Ага... – Руки заплясали по телу в поисках карманов. Стоп. Я же переложила его в рюкзак. А изначально, вообще, планировала держать ближе к телу, но, к сожалению, карманы на нижнем белье не были предусмотрены производителями. – В... вот.

Часто моргая, попыталась расслабить лицо.

Мы с ней похожи. Похожи.

Если смотреть прямо на полицейских и не поворачиваться боком, то они не обратят внимания на горбинку на моем носу. Остальное спишут на усталость и припухлость после сна. Боже... Какая горбинка? Меня ведь только что поймали, как бродяжку. Да еще и с чужим паспортом. Сейчас задержат, потащат в отделение, где спросят, почему при мне документы погибшей девушки. Потом, наверняка, установят мою личность, сделают запрос в родной город...

– Вам придется объяснить причину столь долгого пребывания в здании вокзала. Предъявите, пожалуйста, ваш билет.

– Билет... – Кивнула, снова открывая рюкзак.

Как долго мне удастся тянуть время? И что это даст?

– Билет, – усмехнулся тощий полицейский, явно не веря, что необходимое сейчас чудесным образом найдется в моих вещах. – Прописки у вас нет, значит, должен быть билет. Куда-то же вы направляетесь? Так?

– Я... – Заерзала на сидении под их колючими взглядами. Покраснела, ощутила, как в одно мгновение вспотели и спина, и ладони.

Глаза полицейских смеялись. Они ждали ответа.

– Дело в том, что... – Я сложила руки в замочек на коленях.

Интересно, если сорваться и побежать, далеко ли я смогу убежать от них?

– Ладно, вставай, пошли, – один из них схватил меня за воротник джинсовки, точно провинившегося щенка.

– П... подождите! – Я попыталась вырваться. – Куда?!

– В отделении разберемся.

Рюкзак упал мне под ноги. В сердце кольнуло от мысли, что могли разбиться любимые наушники. Или плеер, который успел разрядиться в дороге. А еще десятки любопытных глаз

вдруг уставились на меня, ожидая скорой развязки этой стычки со служивыми. Я попыталась нагнуться, чтобы подхватить свой скудный багаж с пола, но не вышло.

– Ай! – Вместе с воротником полицейский случайно прихватил прядь моих волос. – Больно!

Но напрасно я ждала сочувствия. Его рука отпустила джинсовку и тут же обхватила мой локоть.

– Пошли!

– Куда? – Жалобно пискнула я. – Зачем?

Посмотрела в его серые глаза, но ответа не дождалась. Все было напрасно. Зря был проделан такой длинный путь. Теперь они меня вернут. Все начнется снова и будет еще хуже. Мне точно конец...

– Да отпусти ты ее. – Сказал второй. – Сама пойдет.

– Много чести! – Брезгливо произнес он, дернув меня за рукав. – Пошли!

– Пожалуйста... – Попросила тихо.

Будто мое топтание на месте могло хоть как-то отсрочить неизбежное или сделать его менее болезненным.

– Да-вай! – Брезгливо касаясь лишь кончиками пальцев моего рукава, грубо крикнул тощий и указал жестом головы на двери.

Я опустила голову и выдохнула. Чему быть, того не миновать. Придется идти.

– Ох, вот где ты! – Вдруг раздалось со спины.

Мужской голос. Бархатистый, мягкий. Обволакивающий теплом, словно топленое молоко. Я даже сразу и не поняла, что это мне. Просто увидела сильные руки, опустившиеся вниз и поднимающие с пола мой рюкзак. Не успела разглядеть лицо, но незнакомец вдруг обхватил меня за плечи и похлопал своей широкой ладонью по спине.

Спутал с кем-то, что ли?

– Слава богу, нашлась! – Он бесцеремонно повесил мой рюкзак себе на плечо и, наклонившись, взглянул в глаза.

Так по-отечески, по-доброму, что у меня даже дар речи пропал.

Ему, наверное, было лет пятьдесят. Всклокоченные темные волосы, большие светлые глаза, подбородок с ямочкой, прямой нос и растерянная улыбка, делающая круглое лицо каким-то необыкновенно приятным.

– Лён, – мужчина обернулся к полицейскому, что был старше, хлопнул себя рукой в грудь. – Племянница же это моя. – И дернул плечами. Трижды. – Не думал, что так рано придет. – Незнакомец еще дважды странно дернулся и шмыгнул носом. – Прости дурака, не пришел встретить, н-не знал. – Повернувшись ко мне, он виновато улыбнулся и дернул плечами. Нервно так, напряженно и словно извиняясь за что-то. – Долго ждала, да? Устала?

– Д... да. – Робко кивнула я и опустила руки.

Не знала, правильно ли поступаю, но решила ему подыграть.

– С...сейчас пойдем домой, – он несколько раз мотнул головой, словно пытаюсь убедить меня в том, что сдержит обещание. – Сейчас. С-сейчас.

– Держи, – отдал ему мой паспорт полицейский и, нахмурившись, сделал шаг назад.

Незнакомец громко шмыгнул носом и снова дернул плечами.

– Спасибо. – Кивнул он несколько раз, затем зачем-то повернулся, коснулся ладонями сидения, на котором я только что сидела и выпрямился. Снова наклонился и снова коснулся.

Тощий полицейский, глядя на него с отвращением, сморщился и сплюнул. Для второго служителя закона происходящее явно не было чем-то удивительным, но смущало не меньше.

– Ладно, – бросил он напарнику, – пойдем.

Заткнув пальцы за пояс, развернулся и пошел к выходу. Тощий, презрительно оглядев сначала меня, затем странного незнакомца, поспешил следом.

Меня ошутимо трясло.

В голове звенел один лишь вопрос: «Куда же мне опять посчастливилось вляпаться?»

Я обернулась к своему спасителю. Тот уже закончил свой странный ритуал с касанием поверхности сидения и последующим выпрямлением, посмотрел вслед полицейским, шмыгнул носом и дотронулся до моего плеча. Опустив руку, он снова поднял ее и еще раз положил на мое плечо. Отдернул. Повторил еще два раза. Скривился, будто ругая себя, и быстро проговорил:

– Прости! – С таким нажимом на первую букву слова, что чуть до крови не прикусил собственные губы.

Илья

– Тебя можно поздравить с победой? – Ее улыбка обозначила глубокие ямочки на щеках. Девушка уперла руки в бока.

Я отвернулся и захлопнул дверцу фургона. Поспешил закрыть ее на ключ.

– Спасибо, но тебе лучше пойти и поздравить Кириюху. – Ответил как можно более равнодушно.

– Ха! – Донеслось в спину. – Ну, конечно.

По спине пробежал холодок. Нужно просто напустить на себя расслабленный, отрешенный вид и взглянуть ей в лицо. Но ужасно не хотелось.

– Илья! – Карина схватила меня за руку и развернула к себе. – Вы что делаете?! Ты в своем уме? Не боишься, что кто-то узнает?

Она протараторила мне все это прямо в лицо. Девушка явно не просто подозревала – была почти уверена в своей правоте.

– Ты о чем сейчас? – Наклонившись, я спросил у нее тихо.

Девчонка закусила губу и посмотрела на меня укоризненно и разочарованно. Мне захотелось спрятать побыстрее глаза. Мимо пробежали механики одного из гонщиков, выступавшего в заезде. Я выпрямился, взял Карину за локоть и приблизился к ее лицу:

– Говори.

– Я все знаю. – Произнесла девушка, качая головой. – Это был Ты. Там, за рулем байка. Это был Ты... – И оглянулась по сторонам, боясь, что кто-то в этом шуме может нас услышать. – Ты победил в заезде!

– Чушь. – Сказал сухо и шумно выдохнул ей в лицо. – Зачем мне это делать? – Попробовал даже беззаботно рассмеяться: – Кирилл прекрасно справился и без посторонней помощи.

Ее рука приподнялась, пальцы быстро скользнули к моей шее. Я напрягся всем телом, когда ощутил вдруг мягкое, щекочущее прикосновение к коже.

– Конечно же, чушь. – Кивнула она. Зеленовато-серые глаза посмотрели на меня печально. – Только когда отрицаешь очевидное, не забывай замечать следы, Илья. – Карина облизнула большой палец и приложила к моей шее. – Вся шея в пыли... – Стерла следы грунта с моей кожи и отряхнула руки друг о друга. – Ты можешь притворяться дурачком перед кем угодно, но меня ты не обманешь. Ты выступал за своего брата.

Я тяжело вздохнул и взъерошил мокрые от пота волосы.

– Карин, ты прости, конечно... – И улыбнулся, глядя, как воинственно держится передо мной эта хрупкая девчонка. – Но ты себе что-то напридумывала. Зачем мне это?

– Затем, что только ты мог победить Психа! И все это знают. И твой брат знает, поэтому и попросил тебя заменить его. – Едва музыка стихла, она понизила голос: – И сам Ян знает, иначе не стал бы полгода назад подрезать тебя на том заезде, где ты переломался.

– Я все время гонки был здесь. – Я указал пальцем на фургон. – Здесь. И ни за что не стал бы выступать за своего брата. Ясно?

– Да-а-а. – Карина прищурилась, явно намереваясь уничтожить меня одним лишь взглядом. Сложила руки в тугой замок на груди. – Да Кирилл уже на старте вел бы себя как напыщенный павлин! Он только и делает, что красуется. Показывает, какой он крутой. – Она ухмыльнулась. – И что это на него сегодня нашло, а? Не знаешь? Вел себя тише обычного, грудь колесом не выпячивал. И... о, Боги! – Девушка выпучила глаза. – Разговаривал со своим байком! Думаешь, я не заметила, как ты нагнулся? Что ты там обычно шепчешь ему? А? Поделись!

– Тише, – процедил я сквозь зубы.

Весь стадион в эти секунды замер, слушая речь устроителей Чемпионата в честь победителя.

– Неужели, ты так слеп, что не видишь, как это бросается в глаза?

– Что именно? – Я взял ее за локоть и оттащил с дороги, ближе к фургону.

– То, что вы такие разные. Я не первый раз бываю на ваших заездах и тренировках. С тех пор, как Нина стала с встречаться с твоим братом, хожу и наблюдаю. Вы... вы... да вы же только внешне похожи! В остальном – небо и земля! Думаешь, Псих такой идиот? Нет. Уверена, он насторожился. Так что ты крепко влип, Илья. И он обо всем догадается, вот увидишь!

Ее брови сдвинулись, взгляд казался острым и непримиримым. Дерзким. Готовым к бою.

– Откуда? – Внутри меня рождалась злость. – Ты ему скажешь?

Лицо девушки расплылось в довольной улыбке.

– Вот и признался.

Мурашки расплзлись по телу, и сразу стало как-то зябко и некомфортно.

– Нет. – Устало выдохнул я. – Просто не хочу, чтобы кто-то зря распространял глупые слухи и совершенно фантастические домыслы.

– Можешь не переживать. – Беззвучно усмехнулась она. – Я ничего не скажу. Но люди не слепые. Единственное, чего не могу понять так это, зачем все это тебе? Ты победил, а лавры достались ему. Какой в этом смысл для тебя?

Я закрыл глаза и медленно выдохнул:

– Он – мой брат.

Она резко покачала головой.

– Да Кирилл же никогда не оценит! – Девушка взяла меня за руку, сжала пальцы. – Понимаешь? Ему же плевать на всех.

– Нет. Ты его совсем не знаешь.

– Ему все легко достается, поэтому он ничего и никого не ценит. Не задумывается о цене, которую приходится платить людям за его поступки.

О чем это она?

– Так, всё. – Поднял руки, показывая, что не нужно больше меня касаться. – Не хочу больше это слышать. Мы с Кириллом – одно целое, ясно? Мы – братья. У нас все общее. И у меня нет никого ближе, чем он. Все, тема закрыта. Раз и навсегда.

– Да как хочешь, – Карина обиженно надула губы. – Он никогда не сделает ради тебя ничего подобного. Мне жаль, но это правда. И тебя жаль. Ты не можешь отличить хорошего от плохого.

– Мне пора. Прости, Карин. – Накинул капюшон куртки и застегнулся.

– Я никому ничего не скажу, не переживай. Просто хотела...

Я вскинул руки:

– Не важно. – И отмахнулся, не желая продолжать бессмысленный разговор. – Ступай на награждение, там начинается самое интересное.

– А ты? – Ее голос сорвался. – Разве не пойдешь?

– Мне нужно прогуляться.

Развернулся, спрятал руки в карманы и направился мимо импровизированной сцены к продуктовым лоткам. Взял бутылку воды и забрался на самый высокий холм. Сев на траву, вытянул ноги и выпил залпом сразу пол-литра. Приятная прохлада растеклась по пустому желудку. Я помассировал ноющее плечо и вгляделся вдаль.

В пятидесяти метрах внизу, на сцене, Кирилл уже всю размахивал в воздухе кубком. Собравшиеся зрители визжали и улюлюкали, подбадривая его. Особенно девчонки. Даже Тим ликовал, поддерживая друга. Жестами звал упасть к ним вниз, в толпу, чтобы подкинуть лидера несколько раз в честь победы.

Только Ян держался поодаль. Его явно мало интересовало происходящее на сцене, увешанной воздушными шарами и залитой брызгами шампанского. Он, поглаживая свою массивную челюсть кулаком, смотрел вдаль. Прямо на меня.

6

Кирилл

Симпатичные попки. В количестве пяти упругих подтянутых штук. Так и пересчитал бы их по очереди своей пятерней. Шлеп, шлеп... шлеп! Чтобы кожа на колыхающихся половинках потом еще долго горела красным.

– Что там разглядываем, девчонки? – Подошел к собравшимся у окна подружкам и скользнул руками по талиям двух из них.

Девушки захихикали, оборачиваясь.

– Кирилл, там твой брат приехал. – Зажатым в руке бокалом с шампанским Нина указала на окно. Пытаясь перекричать музыку, повысила голос – Похоже, нервничает, что не может свой фургон в гараж загнать.

– Хм. – Я наклонился и прижался лбом к стеклу. – Сейчас разруем.

Выпрямился и не удержался – легонечко хлопнул Нинку и ее подружку Светку по ягодицам.

– Хулиган, – подмигнула мне Света.

Нина промолчала. Проводила меня недовольным прищуром. Ей было проще договориться с подругами о разделе территории, чем качать свои права передо мной.

Это всегда было совершенно бесполезным занятием. И она либо принимала нашу модель «отношений», либо оставалась ни с чем. А мне... мне обычно было откровенно фиолетово на всю эту ерунду.

– Кирюха, выпей с нами! – Один из приятелей Тима, рыжий Костя, перегородил мне дорогу к лестнице, ведущей на первый этаж. Тряхнул перед лицом бутылкой пива и едва не расплескал ее содержимое.

– Не сейчас, Костян. – Сухо произнес я, отодвигая его к стене.

– А когда? Пф... Сейчас самое время! – Заплетающимся языком промычал он.

– Слушай, брат, если захочешь блевануть, – указал ему на туалет в конце коридора, – уборная там. Но советую тебе больше не пить, даже за мою победу.

Хлопнул его по плечу, развернулся и, протискиваясь через толпу танцующих ребят, направился к лестнице.

– Там твой брат. – Остановил меня Тим на пороге.

– Видел. Уже иду.

– Все будет нормально? – Он ухватил меня за локоть.

Я отдернул руку.

– Конечно. – Кивнул для верности и вышел на улицу.

Какого черта Илья возился на стадионе чуть ли не до полуночи? И почему не оставил фургон с мотиком на охраняемой стоянке? Приспичило же пригнать его домой именно сегодня и сейчас!

Пока я спускался по ступеням, буквально ощущал его гнев на себе. Чувствовал, как он закипает. Да, мы разные, и всегда такими были, но лепили-то нас определенно из одного теста.

Братья...

Буквально с рождения каждый из нас развивался по-разному, по-своему реагировал на мир, и даже карандаш мы держали в разных руках и по мячу били тоже: он – левой, я – правой. Но у нас всегда было словно одно сердце на двоих. Он ударялся – мне было больно, он убежал – я шел за ним следом. Все и всегда, не задумываясь, делили пополам. У близнецов, знаете ли, есть один потрясающий феномен: током бьет одного, а трясет всегда обоих.

– Брат, брат, брат, эй! – Вздывая руки к небу, попросил я. – Хватит сигналить, ладно? Ты зачем шум поднимаешь? Хватит с соседей и той вечеринки, которую я закатил. Между прочим, в твою честь. А ты еще и шумишь на всю улицу.

Нет, наглое вранье меня сейчас точно не спасло.

Обойдя несколько байков, припаркованных возле двери гаража, я приблизился к фургону.

– Шутишь? – Сквозь зубы прорычал Илья и хлопнул дверцей автомобиля.

Сделал несколько решительных шагов и замер напротив меня. Бросив короткий взгляд на темные окна особняка, расцвеченные цветными пляшущими всполохами, он покачал головой:

– А я, как дурак, рассчитывал сегодня выспаться. – Резким движением брат скинул капюшон с головы. – Опять тусовку собрал?

Неужели, я обычно выгляжу так же борзо, когда сержусь? Илья напоминал сейчас просто огромный сгусток гнева и возмущения. Красноватые прожилки в глазах, желваки на напряженных скулах, сжатые губы. Будучи такого же роста, он буквально скалой возвышался надо мной сверху.

– И давно ты перестал любить наши вечеринки? – Я хлопнул его по плечу, желая ободрить.

В черном прямоугольнике окна все еще виднелись силуэты девчонок, продолжавших пялиться на него и хихикать. Наседки, блин...

– С тех пор, как все эти вечеринки перестали нести хоть какой-то смысл. – Илья выдохнул и спрятал руки в карманах куртки.

– Ты просто устал. – Я весело обнял его и похлопал по спине. – Такую работу проделал сегодня. Просто монстр! – Сжал в объятиях до хруста и уже тише сказал: – Куда бы я без тебя...

– И зачем они понаставили здесь свои машины и байки, а? Прямо перед гаражом? – Он продолжал игнорировать мои слова. Тупая, скажу вам, и очень раздражающая привычка. – Ты что не мог сказать своим друзьям, чтобы бросали свои тачки перед забором? И куда мне сейчас ставить фургон?

– Слушай, не кипятись, ладно? – Я продолжал улыбаться, не подавая вида, что меня начинает доставать его нытье. – Сейчас все вместе посидим, отдохнем, а потом разберемся.

Илья опустил руки.

– Да я брошу его здесь, и всё! – Шумно выдохнул он и посмотрел на меня укоризненно. – Уйду, и выезжайте потом, как хотите. Неужели, нельзя было по-человечьи поставить?

– Так кто ж знал, что ты пригонишь сегодня сюда фургон? – Не выдержал я.

– Нормально... – Усмехнулся брат. – Это так-то наш гараж. Специально оборудованный для этих целей.

– Ладно. – Я поднял руки, показывая, что сдаюсь. – Тогда мне придется признаться. Там сейчас занято. Тим... В общем, он пригнал свою тачку. Но обещаю, что завтра утром освободит место.

Илья

– Какую еще тачку? – Я повернулся и решительно направился к гаражу.

– Стой! – Донеслось сзади. Сквозь ритмичный долбеж динамиков, изрыгающих электронную музыку, послышались спешные шаги брата. Судя по голосу, он заметно занервничал. И даже несмотря на хмельную расслабленность, это напряжение ощущалось очень явственно. – Стой!

– Я просто хочу посмотреть. – Я нажал на кнопку, чтобы открыть ворота. – Нельзя?

– Что ты там не видел? – Кирилл забрал у меня пульт. Нажал «заккрыть» и кивнул в сторону дома. – Пойдем лучше, выпьем. Отметим... победу.

Я остановился и уставился на него. Мы, конечно, всегда были очень близки, редко что-то скрывали друг от друга. И если брат решил теперь во что-то не посвящать меня, значит, это было что-то такое, что бы мне очень сильно не понравилось.

Я вытянул шею, приближаясь к его вмиг побледневшему лицу. Словно пес, пытающийся вынюхать правду, которая невидимым туманом витала в воздухе. Будто рентген, пытающийся пролезть в голову, чтобы прочесть мысли. Замер, сжимая руки в кулаки, при виде его широкой ухмылки, натянутой на лицо в попытке скрыть беспокойство, граничащее уже с паникой.

Странная, конечно, ситуация.

Кирилл сильно изменился с тех пор, как связался с Тимом и его отморозками. И теперь всякий раз он вынужден был разрываться между мной и ними, словно выбирая, какой путь для него ближе. Мы отдалялись. Неумолимо, упорно, жестоко. И я даже не знал насколько, пока не увидел своими собственными глазами.

Я обошел его и направился к боковой двери. Открыл ее своим ключом. Брат уже и не думал меня останавливать. Я свободно вошел и поднял рубильник вверх. Помещение залило ярким белым светом.

– Это его тачка? – Я указал на обтянутый тентом автомобиль.

– Угу. – Почти беззаботно ответил брат.

В груди неприятно кольнуло. Будто льдинкой по сердцу. Мы оба знали, что он лжет.

Я подошел ближе и откинул край тента. Уставился на блестящий черный кузов и золотой с красным и черным значок, на котором был изображен гарцующий жеребец.

«Porsche»...

– Прикальываешься? – Я обернулся к брату.

– Почему? – Почесав затылок, выдавил он.

– 911? – Прошипел я.

– А что? – Кирилл подошел, взял край тента и опустил на место.

– Хочешь, чтобы я поверил, что Тим купил себе новенький «Porsche»?!

Он твердо смотрел мне в глаза.

– Ну, да... Он... долго копил.

Я грязно выругался. Взялся за голову и принялся ходить туда-сюда по гаражу:

– Лучше говори, Леманн, во что ты вляпался! Говори, мать твою! – И тут же сплюнул, поняв, что оскорбил только что память собственной же матери.

Брат приподнял и опустил брови.

– Не веришь, что Тим мог купить себе нормальную тачку?

Резко приблизившись к нему, я процедил сквозь зубы:

– Рассказывай! Я все равно узнаю, если захочу. И это точно что-то противозаконное, иначе вы бы не стали прятать машину в гараже. А если я прав, значит, у нас большие проблемы! У тебя и у меня.

– Почему? – Уголок его рта приподнялся в виноватой ухмылке.

– Потому что твой отец баллотируется в депутаты ГосСовета! И ему не нужны проблемы. Не нужны сейчас никакие скандалы, связанные с его именем.

– С чего ты взял, что у него будут проблемы из-за меня... – Он дернул плечами и спрятал взгляд.

– С того, что он всегда стыдился нас. Ему пришлось принять сыновей только потому, что их мать умерла после тяжелой болезни. Стало вдруг жалко, что их выбросят, как котят, на улицу. Взял нас себе, оплатил воспитание и учебу, а теперь бросил в этом доме, как ненужную вещь. Думаешь, кто-то из нас станет его преемником? Да никогда! Мы – лишь пятно на его безупречной репутации.

– Ты опять драматизируешь.

– Он и в институт-то нас засунул, чтобы можно было написать в своей агитке: два взрослых сына, получающие образование. Всё. Купил новый дом своей новой жене и съехал отсюда, чтобы родить себе нового сына. Первенца. Потому что мы были всего лишь ошибкой. И краснеть за нас ему не хочется. Можно было бы – давно бы открестился, да боится, что журналисты все равно наруют о тебе и обо мне какую-то информацию. – Вздохнул, стараясь унять дрожь в руках. – Что ты делаешь, брат? Что? Скажи мне, и мы вместе найдем решение.

Я положил ладони на его плечи:

– Во что же ты вляпался, а?

– Окей, окей. – Кирилл состроил наигранно уставшее лицо. – Только не делай трагедию из мелочей, лады?

– Говори.

Его лицо помрачнело.

– Один чувак... наехал на Тима. – Понизив голос, он бросил взгляд на дверь. – В общем, мы прошлой ночью пошли... просто хотели отомстить...

– Каким образом?

Кирилл вытер ладони о модные темно-синие джинсы.

– В общем, мы решили сжечь его тачку. – Брат поправил тщательно уложенные каштановые волосы.

По гаражу эхом пронесся мой возглас. Неприличный и весьма грубый.

– Ну, и я потом подумал... – Он весело усмехнулся. – А зачем ее жечь? Если можно заработать...

– Ты для этого бросил спорт? Чтобы зарабатывать... – я указал на авто. – Этим?!

– Ну... – Кирилл словно собирался с духом. – В общем, я ее угнал.

– Придунок...

– Пришлось оставить ее пока здесь.

Я провел ладонями по лицу.

– И что ты собираешься с ней делать? Если кто-то найдет ее здесь, если хоть кто-то заикнется... Конец тебе, мне и заодно папочкиной депутатской карьере, чтоб ее!

– Но ты же меня не выдашь? – Нервно усмехнулся Кирилл.

Конечно, нет. И он знал это.

– Может, мне за тебя еще и срок отмотать?! А? – Я толкнул его в грудь. – Взаимовыручка, и все дела.

Удержавшись на ногах, брат отряхнул белоснежную футболку.

– Не надо, не бзди. Все будет нормально.

– А что ты собираешься делать с ней?! – Я всплеснул руками, указывая на машину. – Ты ж ее никогда не продашь! Таковую тачку! Охренеть просто... – И схватился руками за голову.

– Слушай, у меня все на мази. – Кирилл провел ладонью по грубой ткани тента. – Завтра приедет Слава Шумахер. Тачку в разбор, бабки тут же отдаст, и разъехались. – Щелкнул пальцами. – Вуаля!

– Ты конченный идиот. Одуреть... – Я перешел на шепот. – Да ты хоть знаешь, кто такой Шумахер? Имел с ним дело? Хоть раз?! Менты придут, он же тебя с потрохами сдаст.

– Илюха, все будет нормально. Я тебе обещаю. – Брат постучал по крыше кузова.

– Я тебя совсем не узнаю... – Разочарованно покачав головой, я пошел на выход. – Подумай на досуге о том, что ты творишь, и как собираешься из этого выпутываться.

– Да ла-а-адно тебе!

Но мне было уже все равно, что он скажет. Все равно, как будет выкручиваться. Все это напоминало плохое кино с гнусавым закадровым переводом. Привычное стало незнакомым, устоявшееся и удобное оказалось чужим. А любые действия брата мой организм воспринимал теперь как бунт внутри меня же самого.

Как если бы одна половина твоего тела вдруг удивила тебя своеобразием. Ты паникуешь, отказываешься понимать и принимать это явление, а оно уже происходит помимо твоей воли и как итог оставляет за собой непоправимые разрушения для всего тела. Ты уже не ты. Не управляешь собой. Но все еще вынужден сам нести за все ответственность целиком.

– Эй, пойдём, выпьем с нами! – С порога в меня врезался рыжий тип с бутылкой в руках.

– Некогда. – Буркнул я, огибая его.

– Эй, Кирилл... – Заплетаюсь и теряю равновесие.

– Я не Кирилл. – Бросил через плечо.

– Ой, да, точно. – Послышался звон бьющегося стекла. Рыжий пьяный урод, видимо, налетел на вазу в гостиной. – А вот и Кирилл...

Но я уже не видел – поднимался вверх по лестнице, лавируя между целующимися парочками, сидящими прямо на ступенях. По стенам шла вибрация от громкой музыки. В воздухе стоял кислый аромат перегара попеременно с запахом дорогих духов. А вот на втором этаже ужасно несло сигаретным дымом. Кто-то опять курил прямо в доме. Мало было прожженного ковролина с прошлой вечеринки. Ничему Кирилла жизнь не учила.

Я толкнул дверь в свою комнату и буквально застыл на пороге. На моей постели в темноте кто-то шевелился и негромко постанывал. Рука сама потянулась к выключателю и вдруг замерла в сантиметре от него. Нет, не очень-то хотелось мне лицезреть происходящее. Лучше бы как-то заявить о своем присутствии...

На моей кровати. На моих простынях. Фу. Какая же тварь устроила в доме настоящий притон?

– Кх-кхм. – Я прокашлялся и открыл шире дверь, впуская в комнату свет из коридора.

Реакции не последовало. Незваные гости не обращали внимания, продолжая наращивать темп. Глаза выхватили из темноты огромного бугая со спущенными штанами, стоявшего коленями на моей подушке и приходящего какую-то полураздетую дамочку.

– Да! Да-а!

Меня затошнило.

– Мерзость, – вырвалось у меня. – Але! Эй, вы! Убирайтесь отсюда к чертовой матери!

Они вдруг замерли и уставились в сторону двери. Незнакомые пьяные лица.

– Даю вам минуту. – Бросил я, разворачиваясь. – И простыни. – Сглотнул, отмахиваясь. – Соберите и сожгите после себя, ясно?!

Мне срочно нужно было на свежий воздух.

Отвратительно. Гадко. Ужасно. Каждый раз вечеринки брата проходили все с большим размахом. Каждый раз все больше алкоголя, разврата и, не удивлюсь, если в следующий раз увижу кого-то и с наркотиками.

Взял со стола бутылку, вскрыл и сделал два больших глотка. Поставил на место. Принялся протискиваться к выходу.

– Тим, перестань. – Послышалось из гардеробной, когда я уже готов был выйти из дома. – Тим. Убери руки, Тим. Пожалуйста!

– Кто здесь? – Спросил, заглянув в помещение.

Среди полок с обувью и вешалок с одеждой смог разглядеть в полутьме два силуэта. Высокий мощный – мужской и маленький тонкий – женский. Щелкнул выключателем.

Тим и Карина. Зажмурились от света. Они стояли у дальней стены, и казалось, будто парень прижал ее и не хотел отпускать. Рука Левицкого ползла вверх по девичьему бедру, забираясь под юбку.

– Все нормально? – Нахмурил я брови.

– Нет! – Карина, испуганно глядя на меня, поправила юбку.

– Да. – Одновременно с ней ответил Тим, возмущенно скалясь в мою сторону. – Иди, мы разберемся.

Я продолжал смотреть на них. Девушка дернулась в сторону выхода, на черноволосый спортсмен с колючим ежиком волос и холодными зелеными глазами удержал ее за запястье.

– Ты куда? – Процедил он, пользуясь тем, что отголоски громкой музыки заглушали его слова. – Мы ведь только начали.

– Перестань. – Попытка выдернуть руку из его захвата не удалась. – Отпусти...

Парень склонился над ней:

– Кончай ломаться. Ты разве не за этим ко мне сюда, пришла? Я не сделаю тебе больно, малышка. Наоборот. Только хорошо, – он провел пальцем по ее щеке, – очень хорошо.

– Помощь нужна? – Громко спросил я, делая шаг внутрь гардеробной.

Карина быстро закивала головой. Я протянул ей руку.

– Илюша. – Тим улыбнулся, ослабляя хватку и делая шаг назад. – Как-то это не по-мужски...

Я сжал челюсти.

– А подставлять моего брата мужской поступок? Так все мужики сейчас делают, да?

Девушка подошла и вцепилась в мою руку мертвой хваткой.

– Пойдем. – Шепнула мне на ухо. – Пожалуйста, пойдем.

Тим навалился спиной на стену, взял с полки бутылку и отхлебнул пива прямо из горла.

Прищурился, ухмыляясь:

– Еще увидимся.

– Надеюсь, что нет. – Бросил я на прощание и пропустил Карину вперед.

– Спасибо, – она сжала мою руку, явно не собираясь отпустить.

– Все нормально? – Поинтересовался я, наклоняясь к ней, когда мы остановились в коридоре перед дверью.

– Вроде. – Девушка выглядела изрядно напуганной.

– Хорошо. С кем ты пришла? Отведу тебя.

Она резко замотала головой.

– Нет. Не нужно. Я, пожалуй, домой. – Она указала на гостиную, где посреди зала в клубах сигаретного дыма танцевали, прижавшись друг к другу, Кирилл и Нина. – Подруге до меня и дела нет, так что лучше сматывать удочки.

– Хорошо. – Кивнул я. – Вызвать тебе такси?

Она улыбнулась смущенно:

– Я лучше прогуляюсь.

– Куда ты в такой час. Давай, лучше подвезу тебя до дома? – Окликнул проходящего мимо парня, одного из гонщиков. Шепнул ему на ухо. Тот выпрямился, посмотрел на нас двоих, улыбнулся и без лишних слов протянул мне ключи от своего мотоцикла.

– Спасибо. – Я кивнул ему благодарно и повернулся к девушке. – Поехали?

7

Нана

Нужно признаться, в первую секунду подобное поведение со стороны незнакомого человека инстинктивно воспринимается как агрессия. Резкие движения, дергающиеся конечности, соответствующая мимика лица. Пугающая и странная. Все незнакомое всегда вызывает опаску, и это нормально. Чувство самосохранения. И если не реагировать остро, а просто присмотреться, то уже через пару секунд понимаешь – природа происходящего с этим человеком абсолютно в другом.

Это не наркотики. Не алкоголь. Ничего подобного.

Этот мужчина напомнил мне тигра в клетке. Мечущийся из стороны в сторону, растерянный и оттого злой на самого себя, потому что, как бы не хотел, он не был способен что-либо поделать против творящегося в организме. Если у зверя всегда остается хоть какая-то надежда на выход из замкнутого пространства, то у больного человека, стальной клеткой которого является собственный мозг, нет никакой возможности вырваться оттуда.

Он был в ловушке.

Ловушка – это он сам.

– Стойте! – Окликнула я незнакомца, когда он, вручив мне мой рюкзак и паспорт, развернулся и быстро двинулся в противоположную сторону.

Еще недавно успокаивавшие меня звуки приходящих и уходящих поездов теперь пугали. Страшно было оставаться одной посреди шумной площади и понимать, что в целом свете не осталось никого кроме этого странного мужчины, удаляющегося прочь. Второго встреченного мной на пути человека, решившего протянуть руку помощи.

– Постойте, пожалуйста! – Придерживая лямки рюкзака на груди, я пустилась за ним в погоню.

Сама не знала, на что рассчитывала. Нагнала стремительно удаляющегося bruneta уже на краю площади.

– Постойте, пожалуйста! – Повторила, коснувшись его локтя.

– Пожалуйста, – кивнул он словно самому себе.

И остановился, дважды дернув плечом.

– С-спасибо, что помогли мне. – Произнесла я, пытаюсь выровнять дыхание. Мужчина смотрел на меня внимательно и лишь каждые две секунды морщил лоб, будто ему было больно глотать. – Можно спросить вас?

– Можно спросить. – Повея плечом, выдавил незнакомец. – Вас. – Зажмурился с силой, затем открыл глаза и уставился в мое лицо. – Меня.

Мне сразу стало жутко не по себе. Ему словно было тяжело разговаривать. Не со мной, а в принципе. Он топтался на месте, будто порываясь убежать в каждую следующую секунду. А его взгляд торопливо бегал по кирпичным серым стенам, стоящего рядом с вокзалом старого здания, по ржавой мятой кровле, по мягкой земле на клумбе, усеянной местами окурками и блестящими фантиками от конфет, и ни на чем не задерживался дольше секунды.

– Почему вы решили помочь мне?

Стоп.

Словно рубильник переключился. Пронзительные светло-зеленые глаза остановились на мне и налились необыкновенным теплом. Он смотрел на меня, не моргая, секунд, наверное, пять. Сверху вниз. Его плечи опустились, позволив спине расслабиться, пальцы мягко дрогнули, кулаки разомкнулись.

Мужчина, кажется, в этот короткий промежуток времени даже стал выглядеть моложе. И уже не виделся мне таким странным, как пару мгновений назад. Абсолютно ясный взгляд. Добрый, участливый, по-отечески душевный.

– Здесь нельзя без прописки. – Тик вернулся к нему заметным подергиванием плеча. Даже сразу обоих одновременно. – Не хотел, чтобы тебя забрали. – Он шмыгнул носом. – Жестокие они. Грубые. Долго бы держали. Не знаю, зачем совсем юной девочке спать на вокзале, но тебе к ним лучше больше не попадаться. – Подняв кисть правой руки, он прижал ее к груди и накрыл с усилием левой, словно удерживая себя от какого-то жеста или нечаянного действия. – Так что тебе лучше ехать, куда собиралась. Или идти.

Я прикусила губу. Боль мгновенно вернула мне сознание.

– Мне идти... некуда...

– Некуда. – Повторил он. – Некуда?

И вдруг поморщился.

Да. Мне было некуда идти. Нечего есть, негде спать, негде помыться, не во что переодеться. И согреться, когда наступит ночь, тоже было негде.

– Ладно. – К чему было посвящать посторонних? – Простите. – Покачала головой, с жалостью наблюдая внутренние терзания, написанные сейчас на его лице. – И еще раз спасибо, что помогли мне.

Хотела развернуться и уйти.

– Подожди! – Дергание плечами, кажется, захватило его полностью. – Ты... Е-есть хочешь?

Я потупила взгляд. Какое же унижение. Принять помощь? Значит, быть должной. Не принять? Значит, погибнуть. Чаша весов сама вдруг склонилась к положительному ответу. Я легонько кивнула и тотчас покраснела.

– Пойдем со мной. – Легко сказал он.

Вот теперь стало совсем страшно. Доверия к мужчинам у меня с некоторых пор отсутствовало. Я застыла на месте, а ноги словно приросли к асфальту.

– Там. – Незнакомец улыбнулся, словно прочтя мои мысли. Показал пальцем в сторону дороги. – Магазин. – Качнул головой. – И буфет.

– Хорошо... – Облизнув пересохшие губы, я нерешительно, но последовала за ним.

Он шел, намеренно делая мелкие шажки, чтобы успеть наступить на каждую из плиток, которыми была выложена пешеходная дорожка, тянущаяся от вокзала, вдоль производственных помещений к магазину и остановкам общественного транспорта.

Явно психическое отклонение. Только вот насколько серьезное? Вдруг мне угрожала опасность?

Пока я шла за ним, поймала себя на мысли, что мне тоже становится очень важным наступить на каждый бетонный квадратик. Оставить на каждом из них свой след. Словно от этого простого ритуала мог зависеть мой переход на какой-то новый уровень. И чем-то все это походило на квест. Или гадание. Или установку. Пройдешь, как положено, – желание исполнится, погода наладится, апокалипсис не случится, больше не нужно будет прятаться от людей. И так далее, и так далее.

Занятное же дело. И как будто даже имеющее смысл.

Я усмехнулась.

– Как тебя зовут? – Резко обернувшись, едва плитки под ногами сменились единым асфальтовым полотном, спросил он.

– Н... – Растерялась, хватая воздух. – Н... – Промычала, гадая, стоит ли довериться первому встречному. – У меня... нет имени! – Выпала на одном дыхании.

– Нет имени. – Кивнул он.

Снова развернулся и пошел дальше.

И все? Ответ принят?

Нет. И это я поняла, когда врезалась в него лбом. Потому что мужчина резко остановился.

– Ой. – Отошла на шаг и потеряла лоб.

– И как мне тебя называть? – Незнакомец уставился на меня, часто моргая.

Я перевела дыхание и пожала плечами.

– Не знаю...

– Не знаю. – Повторил он и мои слова, и мое движение. – А что написано в паспорте?

– Ю... Ю-ли-ана...

Светлые глаза сузились. Мужчина хмыкнул.

– Это твое имя?

По спине пробежали мурашки.

– Наверное.

Он развернулся и продолжил путь.

– Значит, так мне тебя называть? – Спросил через плечо.

Я кивнула, соглашаясь. Спихватилась вдруг, что он не увидел.

– Да. – И добавила громче: – Да! Можно и так.

Привыкну. Наверное.

– Хорошо, Юлиана. – Мужчина опять резко остановился. Я едва не впечаталась в него снова. – Оставайся здесь. – И указал на скамейку.

– Угу. – Пробормотала я растерянно.

Прошла к скамейке, села.

Сняла рюкзак, расстегнула и проверила самое главное свое сокровище – наушники. Они оставались в целости и сохранности. Жаль только, плеер разрядился. Музыка всегда хорошо помогала отрешиться от мира, реальности и всего плохого.

В день, когда я убежала из дома, у нас в городе на музыкальном фестивале должны были выступить IOWA, «The Diverse» и сам Джон Н. Конечно, отчим не отпустил бы меня на подобное мероприятие. Ни на какое мероприятие бы не отпустил. Вообще. Но осознавать, что я пропустила это грандиозное событие и даже не находилась где-то рядом, все равно было грустно. Наверняка, многие мои бывшие одноклассники были там и все могли видеть своими глазами. И слышать. А я нет...

Ну, и ладно.

– Держи.

Я вздрогнула от неожиданности. Застегнула рюкзак, подняла глаза.

– Ох...

Огромная лепешка, в которую был завернут поистине щедрый завтрак: помидоры, мясо, зелень, листья салата, соус. Чего только не виднелось через открытый край этой шавермы. Или как она там правильно называется? Угощение больше было похоже на хлебную корзину с продуктами размером с хорошую такую миску. Ничего подобного я раньше не ела.

Оно во мне, вообще, поместится?

Да... Ням!

– Это мне? – Спросила я на всякий случай.

– Тебе. – Коротко кивнул незнакомец и сел рядом.

Я осторожно взяла из его рук гигантский бутерброд и прицелилась. С какой бы стороны откусить? Ммм...

– Спасибо огромное. – Спихватилась вдруг. Посмотрела на него с благодарностью. Мужчина выглядел теперь спокойным и даже умиротворенным. Моргал так же часто, но уже почти не дергался. – Я... не спросила, как вас зовут?

– Иван. – Выдохнул он, сцепляя руки в замок.

Теперь мне было понятнее, для чего он так делал. Они, его руки, будто жили своей жизнью, временами совершенно не повинуюсь хозяину.

– Очень приятно. – Я перевела взгляд на аппетитную шаверму. Вдохнула пьянящий горячий аромат. Мясо, отдавая свой жар помидорам, делало их запах невыносимо вкусным и свежим. Зелень придавала остроты и пряности. Закрыв глаза, я даже на мгновение представила, что нахожусь где-то на природе, у любимого моря, а не на старой лавочке возле вокзала.

– У тебя есть, куда пойти? – Раздался голос Ивана.

– А... Нет. – Сказала ему правду.

Желудок протестующе заурчал.

– Что? Негде ночевать? – Его брови медленно поползли вверх.

– Не-а. – Откусила большой кусок и почувствовала приятное покалывание на языке.

– Совсем?

Прожевала и проглотила. Стерла соус с губ тыльной стороной ладони.

– Угу. – Я решила, что будет невежливо жевать во время разговора, поэтому повернулась к нему. – А вы здесь работаете? Или... живете?

Если бы полицейские не знали Ивана, то вряд ли бы просто так нас отпустили.

– Работаю. – Кивнул он. – Ты ешь. Ешь. – Мужчина дернул плечами. – И живу. Недалеко. Через дорогу от здания старого вокзала. – Махнул рукой: – Там.

– Па-ня-на. – С набитым ртом отозвалась я.

– И что ты планируешь? – Нахмурился он. – В смысле, у тебя что, совсем нет дома? Родственников?

– А-а. – Я отрицательно покачала головой и, не прожевав, как следует, кусок, с остервенением вгрызлась в шаверму еще раз. – Ни денег. – Быстро задвигала челюстями. – Ни дома. Ничего.

Будь он негодяем, продал бы сейчас же в какой-нибудь местный публичный дом, где меня приковали бы к кровати и накачали бы наркотиками. Учитель из нашей школы рассказывала в прошлом году о таком случае.

– Хоть прямо тут не умирай. – Сообщила, вложив всю искренность в свои слова. Заметила, как у него сразу же округлились глаза. – Нет-нет, я прямо здесь не собираюсь. Честно. И не сейчас.

И тут Иван вдруг весело рассмеялся. А я следом. Так захохотала, аж слезы из глаз брызнули. И чуть не подавилась. А мужчина, уже не смеясь, задергал плечами и принялся странно поворачивать голову набок.

Но продолжал улыбаться... Кажется...

В этот момент ко мне пришла мысль, что он очень уютный.

Редкое ощущение.

Ты никогда не видел человека, но, поговорив всего несколько минут, понимаешь, что знаком с ним уже целую вечность.

Бывает же...

– Я знаю, кто тебе может помочь. – Сказал вдруг он, резко встав.

Я тоже машинально соскочила со скамейки.

– Кто? – Еле проглотила огромный кусок помидорины.

– Пойдем! – Жестом указал направо. – Она здесь всем заведует. Начальник вокзала.

Она. Она... Стало быть, женщина. Ну, не так уж и страшно.

– Хорофо. – Ответила, дожевывая кусок мяса.

– Прости, – морщась, как от боли, попросил он.

Нагнулся и коснулся ладонями сидения скамьи, где я только что сидела. Выпрямился, наклонился и коснулся еще раз.

Интересный ритуал.

Я постаралась не выглядеть удивленной или смущенной этими странными действиями.
– Теперь можно идти. – Иван кивнул несколько раз. – Можно идти.
– Ну, пошли. – Улыбнулась и пропустила его вперед.

8

Он открыл дверь, остановился в проеме и коснулся руками дверной коробки с двух сторон. Опустил руки, снова поднял и еще раз коснулся. И все это, неловко пряча от меня глаза.

Понятно. Еще один его ритуал.

– Ну, – мужчина отошел от двери и пропустил меня в кабинет, – иди. Иди.

– Угу, – я несмело ступила внутрь.

Поджилки буквально затряслись от страха. Тело заходило ходуном.

Несмело подняла глаза.

Начальник вокзала оказалась женщиной лет сорока пяти, сидящей за широким столом. Пышнотелой, в форменном костюме, еле сдерживающем натиск груди размера этак пятого-шестого. Мой взгляд сразу привлекли ее по-мужски огромные кисти. Гладкие, сильные, с прозрачно-синеваой кожей, открывающей взору карту мельчайших сосудов и крупных синих вен.

Маникюр ее, настоящий, с нанесенным розовым лаком, смотрелся, на удивление, уместно. Да и прическа (сложенные в аккуратный клубочек на затылке пышные светлые волосы) говорили об ухоженности своей хозяйки и умении следить за собой.

– Юля? – Оторвавшись от бумаг, прогрохотала она.

– Да... Здравствуйте. – Я замерла на пороге, не решаясь ступить и шагу. – Ю... Юлиана.

– Садись. – Басовито произнесла она и указала рукой на стул напротив ее стола. – Меня зовут Маргарита Сергеевна.

– Очень приятно...

Я послушно села. Задержала дыхание, не позволяя ему со свистом вырваться из груди. И прикусила губу, дав себе обещание стойко выдержать взгляд суровой женщины-железнодорожника.

Оглядев скромный, хорошо обставленный, но плохо освещенный кабинет, я подняла, наконец, глаза на незнакомку. При всей своей внешней нестигаемости было в ней что-то истинно женственное. Взгляд? Может, милые ямочки на сухих щеках, подцвеченных румянами? Или плавно очерченные помадой тонкие губы? Не знаю. Это что-то было настолько неуловимым, что сбивало меня с толку.

– Значит, Гончар твой родственник? – Женщина подвигала затекшими руками и отклонилась на спинку кресла.

Я нервно потерла пальцем шершавую кожу на своих губах.

– Гончар...

Это она про кого? Про моего спасителя?

– Да. Иван Гончар. – Она усмехнулась. – Твой дядя. – И ее брови вдруг легли над веками прямой стрелой, сойдясь в одну на переносице. Голубовато-серые глаза подозрительно сузились и блеснули холодом. – Или ты не знала фамилию своего дяди?

– Знала. – Ответила я, ерзая на стуле.

Женщина смерила меня тяжелым взглядом.

– Да я знаю, что нет у Вани никаких племянниц. И не было никогда. – Она поправила рукава темно-зеленой блузки, выставляющиеся из-под форменного пиджака. – Мы с ним с детства знакомы. Учились вместе. Кроме матери с отцом, которые умерли лет десять назад, у него живых родственников нет. Да и будь ты племянницей, привел бы он тебя к себе в квартиру, и не стал бы просить меня. А так... сразу видно – чужая ты ему. Жалеет, видимо.

– Простите... – я виновато опустила взгляд на свои колени.

Быстро меня раскусили.

– Ну... – Женщина пожала плечами. – Если он просит за тебя, значит, ты того стоишь. Он вообще никогда ни за кого не просил. Даже, когда я устраивала его сюда. Долго не соглашался,

считая это подачкой. С его мозгами работать бы электромехаником СЦБ или электромонтером, но по состоянию здоровья не допустят. – Шумно выдохнула, наклоняясь локтями на стол. – Вот и приходится убирать территорию.

– А что с ним? – Спросила я напрямую.

На лбу женщины мелкими складочками отразилось удивление:

– Вы давно с ним, вообще, знакомы, деточка?

«Говори честно. Или совсем не говори» – учила меня мама.

– Меньше часа. – Выпала как на духу.

И тут же услышала, как ее ноздри жадно засасывают воздух.

– Дела...

– Это очень плохо, да? – Облизнув губы, я робко улыбнулась. – Теперь вы меня выгоните?

– Кхм. – Прокашлялась она. – Нет. Теперь мне стало еще интереснее. – Скользнула взглядом по мне от макушки до талии. – На бродяжку ты не похожа, так в чем же дело? Говори.

Мои скитания и беды отражались лишь в усталом лице и невымытых волосах, в остальном она была права – я выглядела обычной девочкой.

– Мне просто некуда пойти.

– Из дома сбежала?! – Маргарита Сергеевна опять нахмурилась. Ее зычный бас был единственным, что могло вытеснить из помещения мерный шум поездов. И вблизи он закладывал уши не хуже паровозного гудка. – Мне таких проблем не надо. Предупреждаю сразу...

– Нет! – Спихватилась я. – Нет у меня ни дома, ни семьи. Никого нет, понимаете?!

– Детдомовская, что ли? – Прогудела она.

– Вроде того. – Выдохнула печально.

– Так вам же по закону жилье положено от государства.

– Так это по закону, а если по совести, то годами тянут. Бюрократия!

Сказала слово в слово, как мне говорила сама Юлиана.

– Это да. – Хмыкнула женщина.

– Но я совершеннолетняя. Работать могу. Все, что угодно. Полы мыть, улицы мести. Лишь бы на ноги встать, а там видно будет, может, профессию какую получу, квартиру сниму.

Она сгорбилась и сложила руки на груди. Переместила свой взгляд на потолок, будто отыскивая ответы на одной ей ведомые вопросы. Ее молчание повисло надо мной тугой петлей. Встать бы и уйти, но что-то внутри подсказывало, что мне нужен этот шанс. Очень нужен. Все лучше, чем спать под открытым небом.

– Старый вокзал. – Маргарита Сергеевна достала из ящика массивный ключ и положила передо мной на стол. – Здание недалеко от основного вокзала. Уже два года не используется. Его либо снесут, либо выставят на продажу. – Покачала головой. – Там есть отдельное помещение. Чердак. Ваня жил там недолго, пока ему не дали квартиру рядом с вокзалом. Красивое место, на самом-то деле... Правда, ни воды, ни электричества, но летом спать можно.

– Ох, – я взяла дрожащими руками ключ. – Спасибо вам огромное...

Прижала его к груди.

– Под мою ответственность. – Громыкнула начальница. – Своих предупрежу, чужим старайся не попадаться на глаза.

Теперь ее голос звучал даже приятнее. Или эти долгожданные слова так смягчали его. Уже не паровозный гудок, просто медный тромбон. Мне захотелось расцеловать эту женщину, но она по-прежнему держалась сухо и официально, как и полагалось человеку на ее должности.

– У тебя два месяца. Пока. Там будет видно. Надеюсь, за это время ты не доставишь мне проблем.

– Нет! – И уже тише: – Обещаю.

– Сходи завтра утром в кафе «Встреча», это по дороге от вокзала к институту. Я сегодня видела у них на двери объявление, им требуется официант. Документы-то у тебя есть?

– Есть. – Радостно закивала я.

– Вот и хорошо. – Она смела пылинки со стола, словно намекая, что пора заканчивать этот разговор. – И наведайся-ка в общественную баню. Тебе бы помыться.

Я потрогала свои волосы:

– Ладно...

– Это тоже по пути. Ваня подскажет. – Начальница нетерпеливо постучала по столу руками, сложенными в замочек.

– Спасибо вам большое. – Я встала. – Обещаю вести себя тихо. И... я могу вас чем-то отблагодарить?

– Не стоит, девочка. – Женщина выпрямилась. Ей явно не доставляло удовольствия, смотреть на меня снизу вверх. – Я бы все равно не смогла ему отказать. Поэтому и не задаю тебе лишних вопросов.

– А можно еще...

– Что? – Ямочки на ее щеках вновь обозначили недовольство.

– Вы мне так и не сказали, что с ним. – Указала головой на дверь, за которой меня ожидал мой спаситель.

Маргарита Сергеевна вытянула губы в трубочку и медленно выдохнула. Эмоции, отразившиеся на ее лице, я бы назвала не иначе, как боль и сочувствие. Или мне показалось, и это было что-то иное?

– Синдром Жиля де ла Туретта. – Она и сама как-то обмякла, произнеся эти слова. – Расстройство ЦНС, характеризующееся моторными, вокальными и механическими тиками. Это если коротко.

– Подождите... – Я опустилась на стул. – Я слышала о таком... Но разве это не когда человек нецензурно... бранится? И выкрикивает всякие...

Теперь ее взгляд отражал раздражение.

– Только в одном случае из десяти. У Вани этого нет. К счастью.

Ужасно стыдно. Но лучше это спросить у нее, чем обижать его самого.

– А... умственно... – Я провела ладонью возле своего виска.

Маргарита Сергеевна будто лично оскорбилась:

– Нет! Интеллектуально и в плане физического здоровья с ним все в порядке.

– О, – выдохнула я облегченно, – спасибо.

Мне стало не по себе.

Сердце призывало меня довериться интуиции, но сомнения все равно необходимо было развеять. Все-таки добрые глаза Ивана, не замутненные, светлые, чистые не могли врать.

– Он обычно не подпускает никого к себе, и тебе повезло, что ты встретила такого друга, как он. – Она сжала кисти, да так, что громко хрустнули пальцы. – Люди... трудно принимают... подобное. – И поморщилась, сглотнув. – Так что будь к нему внимательна, пожалуйста. Но не жалея. Эта болезнь, она грызет его нервные окончания, и он дергается, будто лягушка от тока. В остальном Ваня абсолютно нормальный. Как мы с тобой.

– Я понимаю...

– Общительный, но мало кто хочет дружить с таким. – Женщина взглянула на часы. – Его поведение, конечно, отличается от поведения большинства, но это не делает его хуже. Это всего лишь особенность его организма.

Я кивнула. Посмотрела ей в лицо, и мне вдруг показалось, что глаза начальницы покраснели.

– Он научился сдерживаться и даже в какой-то мере прятать свои особенности от окружающих, но это... чревато, понимаешь? – Она дождалась моего кивка. – Чем больше нагрузка, физическая и умственная, тем сильнее нервозность и гиперкинезы. По-жа-луй-ста, не подведи его, хорошо? Оправдай оказанное доверие. Не знаю, зачем. Не вижу в тебе ничего особенного.

Но если он так хочет... – Начальница опустила голову и уставилась на свои руки. – Не знаю. Ладно. Иди. Все! Можешь идти.

– Спасибо вам огромное! – Я почему-то вдруг испугалась, что она передумает. Вскочила, неловко кивнула и метнулась к двери. – Спасибо, я ваша должница!

– Не моя. – Сказала мне уже в спину тихо. – Его.

– Да. Я поняла. Я все поняла. Спасибо!

И пока Маргарита Сергеевна не передумала, дернула ручку двери. Если моя интуиция меня не подводила, то ее слишком сильно задевало все, что касалось Ивана. Такое не скрыть за маской суровости. Оно само вырывается на поверхность и обычно даже меняет интонацию человека, произносящего то самое, заветное имя. Оно пронизано трепетом, мягкостью и светом. И имя ему Любовь.

9

– Сейчас департамент культурного наследия рассматривает возможность придания этому зданию статуса памятника. Тогда, возможно, его отреставрируют, и на месте старого вокзала появится что-то вроде Музея РЖД. – Иван шел быстро, никакие плиточки на дороге не встречались, а, значит, тормозить его не могли. – А вот если продадут, то новый владелец может открыть в нем ресторан или художественную мастерскую. В Германии, я слышал, даже жилые дома оборудуют в таких помещениях.

– Жить возле железной дороги? – Удивилась я. – Каждый день наблюдать весь этот бедлам? Смотреть в окна на людей, таскающих сумки, и слушать стук поездов?

– К этому быстро привыкаешь и начинает нравиться.

Даже не видя, почувствовала, что он улыбнулся.

– Очень сомневаюсь. – Хмыкнула я.

– Вокзал – это ворота города. Он изнутри часто напоминает муравейник, но очень такой уютный, комфортный. Мне нравится здание нашего старого вокзала. В свое время для его проектирования приглашались лучшие архитекторы и инженеры тех лет. Сегодня спрос на историю, на красоту, ласкающую взор, не велик. – Он брезгливо махнул в сторону нового здания, окрашенного в унылый фирменный серый цвет. – Вон, гляди. Убожество какое. Уныние. Фу. Железнодорожники не мыслят красотой, они мыслят тоннами угля. Памятники архитектуры для них ничем не отличаются от вагонов.

Мы остановились у здания с вычурными колоннами и низкими узорчатыми сводами. Массивные двери были заколочены, окна забиты фанерой.

– Пойдем. – Иван кивнул на дорожку сбоку. – Нам с другой стороны. У тебя будут свои апартаменты с видом на город.

– Здорово! – Засеменила я следом.

– Я бы не хотел, чтобы его снесли. Мне это место... дорого...

– Ты здесь жил?

Иван замолчал, и мне сразу стало как-то неловко. Когда он успокаивался, затихали и его нервные тики. Не хотелось бы вновь задевать мужчину неосторожными вопросами.

– Недолго. – Ответил он, тяжело вздохнув, и ускорил шаг. – Когда умерли родители, не мог возвращаться туда. Туда. Домой. – И несколько раз подряд дернул плечами.

– Извини.

– Теперь я живу недалеко отсюда. Ты можешь приходить, когда захочешь. Помыться, поесть...

Для меня было бы наглостью сразу сесть всем местным добрым людям на шею.

– Нет, спасибо. – Я шла, не отпуская взглядом его спину. – Я как-нибудь устроюсь. Осмотрюсь. Завтра хочу по совету Маргариты Сергеевны сходить в кафе. Если возьмут, смогу заработать немного денег, чтобы снять квартиру.

– Вот, пришли. – Он остановился и вдруг напряженно всмотрелся в металлическую лестницу, вьющуюся по стене наверх.

Я подняла взгляд. На площадке у самого последнего пролета виднелась железная дверь. Сжала ключ в кармане.

– Это здесь?

– Да. – Кивнул он дважды. – У тебя отдельный вход. Поздравляю.

– Ух, ты...

– Матрас стоит возле стены. Веник есть, чтобы прибраться. Но лицо лучше прикрой платком, если будешь подметать. Вдруг, мыши. Чтобы не вдыхать.

– Так высоко и мыши?

– Всякое бывает. – Светлые глаза оттенили добрую улыбку.

– Покажете мне там все? – Спросила его испуганно.

– Н... нет. – Иван вручил мне чистое постельное белье и теплое одеяло, которые добыл где-то, пока я была у начальницы. – Не могу.

Прочистив горло, он странно запрокинул голову назад. И еще раз, и еще.

– Хорошо, хорошо. – Поспешила согласиться я.

Перестал.

– Хорошо. – Повторил мужчина за мной. Замкнул руки в замок, словно умиряя себя. – Но я постою, подожду здесь. Замок иногда заедает. Надави на дверь.

– Угу. – Я ступила на первую металлическую ступеньку. – Спасибо вам огромное...

– Огромное. Угу. – Иван спрятал взгляд, стыдясь, кажется, одного из самых упрямых своих тиков, заставлявшего его бессмысленно повторять за мной последние слова.

Чтобы не доставлять еще больше неудобств мужчине, я пошла вверх по лестнице. Торопливо, но достаточно осторожно, чтобы не сорваться вниз. Для верности не отпустила тонкого железного поручня, идущего параллельно лестничным маршам.

Семь. Нужно поставить седьмую зарубку. Нарисовать мысленно еще одну палочку. Не знаю, для чего, но я считала количество дней с того момента, как убежала из дома. Семь дней, как закончился ад. Больше недели с тех пор, как началась свобода.

Последний пролет закончился на удивление неожиданно. Замерев у заветной двери, я нащупала ключ в кармане и вставила в скважину. Но он не поворачивался. Крутанула еще раз. Никак. Поддаваться дверь не желала. Попробовала в последний раз. Ноль эмоций. Развернулась, подошла к краю узкой площадки и посмотрела вниз. Виновато пожала плечами.

Иван взъерошил волосы и двинулся к лестнице. Ничего не поделаешь, но нужно было меня выручать. Не прошло и пяти секунд, как я вдруг поняла, почему он не пожелал сразу сопроводить меня.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть. – Раздался его шепот снизу. – Раз. Два. – Раз, два, три, четыре, пять, шесть. – И снова. – Раз. Два.

От растерянности я даже охнула. Хорошо хоть беззвучно. Медленно опустилась и села на последнюю ступеньку. Обхватила постельное белье руками и уставилась вниз. На Ивана.

В глазах застыли слезы. Кто ж знал? Я же не нарочно. Да лучше бы у меня глаза вылезли из орбит от усердия в попытке открыть дверь, чем видеть это. Бездушная болезнь заставляла мужчину подниматься на шесть ступеней вверх, а затем спускаться на две вниз. Еще шесть вверх, еще две вниз. И так далее. Снова и снова.

Пока он добрался до верхней площадки, прошло не меньше двух минут.

– Простите. – Покачала я головой. – Пожалуйста, простите.

Он попробовал рассмеяться. Больше походило на оскал раненого зверя:

– Все нормально.

Мне страшно было вручать ему ключ. Боялась, что уронит. Протянула, он осторожно взял. На удивление, без труда попал в замочную скважину.

– Вот так. – Навалился плечом на железное полотно. – Всем телом.

Точно. Он же предупредил, что нужно надавить. Вот я балда...

– Спасибо. – Произнесла я, когда дверца передо мной распахнулась.

– Добро пожаловать! – Иван пропустил меня вперед.

От меня не укрылся печальный взгляд, которым он обвел помещение прежде, чем отойти. Заметила также, с какой осторожностью мужчина подобрал сухой кленовый лист, лежавший на полу у самого порога, и с какой нежностью посмотрел на него, поворачивая на свету, зажав между указательным и средним пальцами.

Я отвернулась и сделала шаг внутрь.

Большое помещение. Светлое. Нежилое. Стены обшарпанные, без отделки. Массивные балки выходили из пола и упирались прямо в крышу, устроенную покато.

Я огляделась.

Мелкий песок под ногами, сухая пыль, стоящая в воздухе. Куча хлама, наваленного в углу. Швабра, рядом железный совок. Поодаль тяжелый бежевый матрас, наваленный на стену.

Запах?

Камень, дерево, некоторая затхлость с привкусом необжитости и пустоты. Еще, кажется, ржавчина. Но это скорее от кучи старых вещей в углу. Коробки, ящички, емкости. Даже несколько секций камеры хранения с позабытыми в них ключами.

Выдохнула.

И чердак вдруг отозвался протяжным вздохом. Я улыбнулась.

Живой.

Хотя это было просто эхом. Но, услышав, как он вторит, твердо ощутила, что нашла свое. Очень важно найти в этом мире что-то свое. Пропитаться им, буквально срастись и не отпускать. Именно в таком союзе и рождается настоящая гармония.

Я окинула взглядом просторную комнату, насквозь пропитанную солнечным светом. И вдруг захотелось сделать мягкий аккуратный шаг, встать на носочек, согнуть другую ногу в колене и отвести назад, плавно поднять на нужную высоту. А руки уже сами, словно крылом пронзая воздух, замрут в «округленном» положении – «arrondie». Поэзия движения, танец души, искусство, в котором материалом служит тело.

Балет...

Мечта, которой не суждено было сбыться. Любимое дело, которого меня несправедливо лишили, заперев в отчет доме, ставшем клеткой для птицы, рожденной летать. Все это было сейчас так далеко от меня. Как и сам танец. Точно острое, но почти забытое воспоминание, задвинутое на самую дальнюю полочку сознания.

Признаюсь.

Я за эти полтора года ни разу не танцевала. Даже тайком. И впервые мои ноги ощущали былую силу только сейчас. Впервые они захотели вспомнить то, что было записано в их мышечной памяти.

Проснулись...

Я улыбнулась и торопливо подошла к большому прямоугольнику, через который сочился – нет, буквально врывался свет на чердак, и задержала дыхание от открывшейся красоты.

Небо.

И без того безбрежное, здесь оно казалось воистину безграничным. Плыло, светлое и теплое, и своим дыханием просачивалось даже сквозь стекло широкого окна.

Это окно... Я с первой секунды восприняла его как отверстие в жизнь размером с бездну. Прижимаешься к нему, заглядываешь, а там... целая вселенная. Ты любопытная, шустрая, а перед тобой целая замочная скважина в Мир.

Там снаружи пыль, мерное рычание и звонкий гул больших железных машин, десятки крыш и трубы заводов, величественные высотки и прячущиеся между ними неказистые советские пятиэтажки. Роскошь и нищета, безупречность и грязь, яркие огни и тусклые отсветы. А мне тепло. Просто тепло. Уютно внутри. Можно подтащить матрас ближе к окну, сесть, прикоснуться пальцами к стеклу и ощутить себя в безопасности. Почувствовать в этой пустоте себя человеком.

Свободным, сильным, живым.

Я больше не сухой лист на асфальте, который таскает по дороге ветер, куда ему вздумается. Не мелкая серая пыль, ложащаяся на плечи хмурых прохожих осенью, которую никто не видит, потому что и без этого на улице мерзко и промозгло. Не бездомная собачонка, что скулит и подволакивает лапы от летящего вслед камня.

Я – это Я.

И Я есть. Существую. Живу.

И ничего больше не боюсь. Ведь все теперь будет по-новому.

Да. Боль все еще напоминала о себе. Но теперь она была другой. Она давала мне ощущение того, что я жива. И больше не позволю себя сломить. Какая бы беда не обрушилась на голову. Как бы сильно не давила ночь темным холодным одеялом одиночества. Как бы не закладывала уши давящая безжалостная тишина.

Буду сильной. Буду новой. Счастливой.

Буду.

10

569 дней до прибытия на Старый вокзал

Горстка земли упала на крышку гроба, в котором лежала моя мертвая мама. Еще горстка. Еще. Никто не плакал. Все молчали и ждали, когда это закончится. Чтобы позже сказать несколько добрых слов за столом и свалить подальше по своим делам.

Родных у нее не было. Детдомовская. Круглая сирота. Никого. Из близких – я, отчим, несколько подруг, коллеги с работы, соседка – тетя Рузана. Вздохать по маме, кроме нас, особо было некому. Из нажитого у нее имелся лишь наш старый домик.

А еще прободная язва желудка. Потому что мама много нервничала и никогда никому не жаловалась. Любые неприятности она терпела стойко и всегда молча. Молчала она даже тогда, когда ее резко согнуло от боли. Не пикнула ни разу, пока везли в больницу. Не произнесла она ни звука и когда скончалась через сутки от перитонита – гнойного воспаления брюшной полости.

Я смотрела в холодную темную яму пристально, не моргая. Пыталась навсегда запечатлеть в памяти тот момент, когда по моей вине ее закапывали в землю.

Мы были слепы. Все. Были сосредоточены только на себе.

Никто не замечал, что ей было плохо. Что за дежурной улыбкой прятался одинокий человек, которому тоже необходимы были внимание, участие и забота. Мы просто привыкли. К тому, что она рядом, что знает и контролирует все процессы, что умело руководит хозяйством и всей нашей жизнью.

Мы все были глухи и слепы друг к другу. Никто из нас не хотел замечать очевидного. Я из-за того, что чувствовала себя неуютно рядом с чужим человеком в нашем доме. Она – из-за того, что не верила, что этот человек может представлять какую-то опасность для меня.

– Как ты можешь говорить такое, Нана?! – Мама в ужасе прикрыла рот рукой и обронила на пол кухонное полотенце. – Дядя Жора тебе *как papa*... Он воспитывал тебя с восьми лет! С восьми! – Все это шепотом. Задыхаясь.

– Мама. – Мое лицо густо покрылось краской. – С тех пор, как он увидел меня там, в ванной... – Ток. Ток. Сердце грозило вырваться из груди. – Он...

– Бог с тобой, девочка. – Она буквально рухнула на стул. – Да он же к тебе как к дочери... Как же ты...

– Все изменилось, мама! – Я тоже старалась шептать. Надежды на то, что разговор останется между нами двоими, рушились с каждой секундой. Не этого я ждала, не этого хотела. – Он смотрит на меня так... Мама, мне страшно...

– Не говори ерунды! Сейчас мы у него самого спросим.

– Господи, нет-нет-нет! – Вцепилась в ее рукав, умоляя.

Но мама уже крикнула:

– Жора! Иди скорей сюда!

Из гостиной послышались тяжелые шаги.

На мои глаза навернулись слезы. Хотелось провалиться под землю и поскорее. Я отвернулась к окну.

Тихий маленький городок пах морем. Ветер трепал белое белье, развешанное во дворе. Складно так хлопал, поднимая тонкую ткань и резко опуская вниз. И от этих хлопков разлетались голуби.

У соседнего дома тетя Рузана громко отчитывала за что-то своего мужа. Петунии на ее клумбе всю набирала цвет. Розовые, белые, пурпурные. И самые красивые – коралловые. Мои любимые. Смотрела бы вечно.

– Она сказала, что ты посадил ее на колени. – Эти слова раздавались эхом за моей спиной.
– И что?

Как не пыталась отрешиться, но звон в ушах только нарастал.

– Как ты могла подумать про меня такое, Нана?

– Сказала, что в шестнадцать лет девочек не сажают на колени. Оно и понятно, но ведь ты ей как отец. Я это же и сказала!

– Да я же ее чуть не с пеленок растил...

– стыдно!

– У меня сердце прихватило!

И каждая фраза превращалась для меня в очередной отголосок. В очередной отзвук где-то вдали.

Мне было стыдно за то, что посмела так подумать про своего отчима. Мне было жалко, что она не выслушала меня, а вместо этого подняла шум. Очень больно. Ведь если бы я тогда не обиделась и не закрывалась бы у себя в комнате несколько дней подряд, то обязательно бы заметила, что мама терпит адскую боль. Сжимает зубы до скрипа и терпит. Терпит. Терпит.

– Не плачь, не плачь. – Услышала металлический голос у себя над ухом. И чья-то шершавая рука грубо стерла слезы с моей щеки. Почувствовала, как он обнял меня. Сжалась и пожалела, что не могу уйти вслед за мамой. Зажмурилась, желая раствориться и исчезнуть, чтобы не чувствовать его прикосновений. – Не плачь. – Повторил отчим, стоя на краю могилы и держа меня за плечи. – Все наладится. У тебя есть я. Теперь мы с тобой остались только вдвоем.

И обнял еще крепче.

Илья

Утром перед тем, как пойти в институт, я еще раз заглянул в гараж: украденная тачка, накрытая тентом, все еще стояла на своем месте. Вчера, после того, как отвез Карину домой, вернулся и сразу завалился спать. Нет, сначала, конечно, содрал с постели белье, пахнущее чужими дешевыми духами и грязными утехами, и зашвырнул его в ванную. Плечо ужасно ныло, усталость давила громадной скалой, поэтому ни звуки пьяных выкриков, ни долбящая по ушам музыка не смогли мне помешать тут же провалиться в сон.

Разговаривать с братом утром я не стал. Решил подождать и посмотреть, что будет дальше. Избавится ли он от машины, попросит ли моей помощи, и как, вообще, будет выкручиваться? Надоело постоянно брать ответственность на себя. Пора ему уже повзрослеть.

Еле продрал глаза, поплелся пешком – на первом курсе всегда так делал. Тогда еще учеба казалась чем-то важным, тогда в ней ощущался хоть какой-то смысл. Учебное заведение казалось мне каким-то новым миром, живым, интересным. Я даже занятия не пропускал.

Позже оказалось, что институт был обычным сборищем бездельников, которые не знали, чем хотят заниматься по жизни и получали образование, чтобы решить потом, что уж этим-то они точно заниматься не будут.

Город, несмотря на ранний час, наливался жизнью. Дышал смогом, зато в полную силу. Он шумел автомобилями, светофорами, людским, временами не местным, тихим говором. Я быстро преодолел расстояние до вокзала и с удовольствием прогулялся по площади, а затем направился вверх по улице.

Мне всегда нравилось проходить мимо витрин, всматриваться в выставленные в них товары. Особенно радовал книжный. Точно какой-то волшебник расставлял там книги. Даже если не читаешь, так и тянет прихватить с собой книжку, другую. А еще я брал вкусный кофе в небольшом кафе по пути. «Встреча» – гласили крохотные буквы над его дверью. Мало заметные, выведенные словно кривым почерком школьника.

Но в рекламе это заведение никогда не нуждалось. Большие окна в пол, атмосфера уюта, вкусные блюда для быстрого перекуса и манящий запах ароматного напитка. Все это работало лучше любых вывесок.

Столики в заведении были маленькими – на одного-двух человек. Все было рассчитано на то, чтобы ты заскочил с утра или в обеденный перерыв, взял яичницу с беконом, булочку и кофе, торопливо схомячил и побежал дальше по своим делам. Поэтому обслуживали там быстро, и люди сменяли друг друга за столиками с ошеломительной скоростью.

Я замедлил шаг в попытке разглядеть бариста в углу за большой черной стойкой. Обычно в ожидании напитков на вынос посетители толпились возле нее в длинной очереди. Очередь, надо заметить, двигалась тоже во вполне приличном темпе, но мне все равно не хотелось стоять – мог и опоздать к первой паре.

Кирилл, кстати, вообще не был в курсе, что такие пары существуют. Для него институт – это быстро пройти с зачеткой по кабинетам и в ответ на: «Молодой человек, почему я вижу вас в первый раз?» сунуть препода пару новых хрустящих купюр.

Не знаю, почему, но что-то вдруг заставило меня остановиться. Едва не свалило с ног.

Девушка.

Среднего роста, с густыми темными волосами, почему-то влажными и слегка вьющимися на концах. Ничем не примечательная, но это только на первый взгляд. Она медленно прошла между столиками и остановилась. Достала карандаш и принялась записывать заказ посетителя в блокнотик.

Да. Точно. Официантка. На ней была форменная синяя блуза и небольшой передничек, как у всех сотрудников, кто работал в кафе.

Я зачем-то подошел вплотную к стеклу и стал дожидаться, когда она повернется. Словно от этого зависела вся моя жизнь. Мне казалось, что кто-то невидимый взял в кулак мою душу и резко вынул из тела. Этот кто-то будто выжидал. Вот сейчас незнакомка повернется, и снова можно будет дышать. Глубоко и свободно.

Все зависело только от нее. Но разве так бывает?

Улица опустела. Все звуки исчезли. Весь мир сузился до стекла витрины, за которой таилась загадка. Мысли в моей голове роились, как пчелы. Носились, лихие и взбудораженные. Тянули за нервы, как за ниточки.

Нет, этого не может быть. Это неправда. Не может человека так пригвоздить к месту и чуть ли не вывернуть наизнанку только лишь от того, что он увидел кого-то впервые... и будто прозрел?

Я тревожно припал лбом к окну. Коснулся ладонями. Пусть думают, что псих. Я он и есть. Дикий. Сумасшедший. Свихнувшийся. Мне до боли, до безумия необходимо было, чтобы она повернулась. До хруста в суставах, до рези в глазах и полопавшихся в них от напряжения капилляров.

Это сильнее, чем жажда. Потому что даже долгожданный глоток свежей воды не мог принести мне того облегчения, которое я жаждал испытать, увидев снова ее лицо.

Пусть она повернется, и тогда я пойму, что ошибся. Просто показалось. Ведь так же не бывает? Нельзя вдруг увидеть человека в толпе и сказать: «Это то самое. То, что вынимает из тебя душу, рвет на куски и не дает сдвинуться с места». Только не оно. Обыкновенная, в самом простом одеянии, с самыми обычными чертами.

Неповторимая...

И я стоял. Лохматый, с раскрытым ртом, ошарашенный. Пугал посетителей своим видом. И считал вечности, которые должны были пройти до того момента, когда ее глаза вновь сделали для меня все цвета мира нестерпимо яркими.

Вот оно!

Кивок головы. Прядь, небрежно откинута с плеча. Доля секунды длиной в бесконечность. Поворот. Розовый бархат упрямо поджатых губ, длинные перья черных ресниц, необыкновенные глаза, в которых и радуга, и солнце одновременно.

Меня словно начисто лишили воли. Связали, ранили, обезглавили. Убили и воскресили. Подарили жизнь, свет, смысл, мечту.

Люди же не светятся? Да?

Тогда как такое возможно, что я сейчас чуть не ослеп?

11

Нана

– Здравствуйте, я хотела спросить насчет работы.

– Туда! – Худенький паренек в форме официанта лениво махнул рукой в сторону серой двери в служебные помещения и прошествовал мимо меня с подносом в зал.

Ладно.

Обогнув очередь желающих взять кофе с собой, толпившуюся возле бара, я направилась в «святая святых» кафе. Честно признаться, не имела совершенно никакого представления об этой работе. Все знания о внутренней кухне общепита были мной почерпнуты лишь из фильмов и передач типа «Ревизорро». Непонятно, на что я рассчитывала. Неизвестно, как планировала справиться, если бы меня все-таки взяли.

Поправив волосы, наощупь казавшиеся теперь точно сухой соломой после вчерашнего мытья, я пожалела, что не убрала их в хвост.

Надо сказать, поход в баню шокировал меня знатно. Прокляла все на свете, насмотрелась такого, что желания возвращаться уже не было.

Неужели, такие заведения еще существовали? Открытые душевые, алюминиевые тазики, парилка советского образца. Но самое страшное начиналось буквально с раздевалки. Настоящий бал сатаны. Пока я решалась, раздеваться при всех или нет, какая-то бабуля, притащившая с собой внука лет шести, оставила бедного мальчонку стоять посреди раздевалки и ждать, пока она избавится от исподнего.

Слева от него в этот момент какая-то раскрепощенная мадам растирала махровым полотенцем свои пышные бока. Справа румяная толстушка, закинув ногу на скамью, меняла средства женской гигиены. А прямо перед его распахнутыми в ужасе очами одна из голых старушек, нагнувшись, пыталась влезть в слитный купальник. Шансы, что парнишка вырастет после этого адекватным, испарились в секунды.

Я и сама, увидев это, сломя голову, понеслась в душ. В трусах и прикрываясь спереди полотенцем, позаимствованным заранее у Ивана.

Быстро-быстро сполоснулась под прохладной водой. Постоянно оглядываясь и плюясь, потому что кто-то до меня явно чистил пятки и стриг ногти прямо на плитку в проходе между кабинками, постирала белье, быстренько высушила его под старым феном-колпаком и резко дала деру, обещая себе, что в следующий раз буду искать другой выход для своих постирушек и банных дел.

– Здравствуйте, я насчет работы.

Широкий коридор расходился в разные стороны. Слева что-то вроде подсобки и оборудованной в ней мойки. Прямо – кабинет. Справа кухня, в которой сновали люди в белой форме. Помещение густо наполнял звук шинковки овощей, ароматы и пары соусов, мяса и теплого хлеба, а также чьи-то грубые выкрики.

– Наконец-то! – Передо мной возник стройный мужчина с густыми усами, завивающимися на концах.

Оглядела его. Синяя рубашка, брюки, образующие неопрятные пузыри над начищенными остроносими туфлями, ремень с блестящей пряжкой, излишне тяжелый и из-за этого отвисающий вниз над ширинкой.

– Здравствуйте, – произнесла я достаточно сдержанно, чтобы показаться воспитанной и скромной.

– Какого черта, где Виталик?! – Раздалось в эту же секунду с кухни. – Он что, не смотрел в стоп-лист?!

Чей-то бас громыхнул над кастрюлями, но повара, не обратив никакого внимания, продолжили работать в прежнем темпе. Рассмотрела тучного мужчину в белом, который, прищурившись, изучал написанное на маленьком листочке бумаги. С черневшей на щеках щетиной, пальцами-сосисками, обросшими мелкими волосками и острым крючком-носом, он казался настоящим пиратом от мира кухни.

– Виталик, сейчас в зале. – Подсказал мужчина с усами и вновь посмотрел на меня. Улыбнулся. – Привет, меня зовут Гарик.

– Где Виталик, эй? – Снова донесся с кухни уже знакомый бас. – Что за...

– Прости, у нас сегодня настоящий сумасшедший дом. – Не оборачиваясь к источнику звука, заметил усатый. Наклонился ко мне и выжидающе замер. – Ты кто?

– Юлиана. – Не нашла ответить ничего умнее.

– Так что ты хотела, красавица?

– Я... я насчет работы... – Мне пришлось отклониться назад. – Там у вас объявление на двери.

– Люська-паршивка! – Продолжал возмущаться пузатый повар, обладатель зычного баса, одновременно ловко орудуя ножом и жестикулируя. – Знала же, что работать некому, и не пришла! Опять напилась, наверное. Я так больше не могу. Хоть убей, но не могу. Поваров не хватает, официантов тоже. Лучше бы дальше мясо жарил спокойно в шашлычной! Все, это точно последний день, завтра ухожу!

Усатый Гарик нервно дернул бровями. Медленно обернулся к нему и проорал:

– Айваз! Эй! Что ты разошелся? Вон, смотри, какую красивую официантку я нашел! – Протянул руку и подтолкнул меня в спину. – И повара тебе найду. Сегодня. Максимум завтра. Обещаю! Не кипятись, друг, ладно?

И все это с таким знакомым мне акцентом жителей южных краев. Даже захотелось добавить наше «по-братски».

Но Айваз, заметив меня, лишь взметнул руки вверх и громко возмутился:

– Ты кого, э, нам привел? – Поморщился. – Ребенок же совсем!

– Тебе восемнадцать-то есть? – Шепнул, обернувшись ко мне Гарик.

– Есть.

Тогда он улыбнулся повару:

– Не ругайся, брат. Она уже взрослая, все умеет. А чего не умеет, научится!

– Да? – Усатый потрепал меня за плечо. Наклонился к уху. – Официантом когда-нибудь работала?

– Кх-кхм. – Прокашлялась и виновато ответила: – Нет. Но я научусь. Обещаю. Буду стараться.

Улыбка моментально сползла с его лица.

– Медкнижка есть? – Прошептал он, хмурясь.

– Не-а. – Пожала плечами.

– Ну, и ладно. Потом оформишь. А сейчас, – и уже громче и радостнее, – приступай к работе! – И снова шепотом: – Как тебя?

– Юля.

– Добро пожаловать, Ю-ля!

В эту секунду в помещении появился тот самый тощенький официант. Как оказалось, он и был Виталиком. Парню пришлось выслушать тираду от Айваза, а мне в это время вручили фартук, блокнот, карандаш и на пальцах объяснили, что такое стоп-лист, как нужно принимать заказы и что делать с ними дальше.

Признаться честно, состояние у меня было близкое к шоку. И это еще мягко сказано. Руки тряслись как бешеные.

Гарик, кажется, сразу забыл о моем существовании, зато о нем хорошо помнили на кухне. Никто не собирался делать мне скидок на то, что я работала первый день. Повара и даже технические работники за первые полчаса засыпали меня таким количеством наставлений и сделали столько замечаний сразу, что мои щеки уже не просто пылали, а горели так, словно их свеклой натерли.

– Не переживай, – брякнул Виталик на ходу, заметив мои дрожащие руки. – Клиенты у нас в основном постоянные. Офисные работники, студентки, но бывают и приезжие, конечно. Записывай заказы внимательно, зачитывай и только потомноси на кухню. Если придут новенькие и спросят, что ты можешь им посоветовать, смело называй блюда из вот этого списка. – Он указал на стену. – Здесь все, что нужно сбагрить до закрытия смены, чтобы окончательно не протухло.

– О... – Промычала я, составляя тарелки на поднос. – Спасибо...

Паренек засмеялся и подмигнул мне.

– Привыкнешь!

Да уж. Постараюсь.

А я ведь даже не спросила, сколько они мне будут платить... От страха из головы все напрочь вылетело. Вот же растяпа...

Посетители сменяли один другого, несмотря на столь ранний час. Заказывали завтрак, кофе, быстро ели и уходили. Нам с Виталиком приходилось буквально летать между столиков, и через час мое напряжение достигло предела. Забежала в туалет, быстро умылась ледяной водой. Замерла у зеркала, не узнавая своего горящего от красноты лица, и тяжело вздохнула.

Все нормально. Я справлюсь. Пусть будет хоть трижды тяжело. Невыносимо. Трудно. Изматывающе. Но деньги будут у меня в кармане. Деньги – это еда, тепло, возможности. Еда... Голова снова закружилась. Дожить бы до обеда. Только дожить.

Намочила ладони водой, приложила к макушке, чтобы унять бунтующие волосы. Распределила влагу по всей длине. Молодец, теперь похожа на мокрую крысу. Стало еще только хуже. Ну, и бог с ним. Главное, выдержать. Все лучше, чем просить милостыню.

И вернулась в зал.

– Добрый день. – Я приготовила блокнот.

Посетитель молчал. Мне даже пришлось поднять на него взгляд.

– Американо, пожалуйста. – Задумчивый, сонный парень лет двадцати. Кожаная куртка в такой теплый день. Спутанные каштановые волосы, руки с красивыми длинными пальцами.

– Что-то еще? – Улыбнулась дежурно, одновременно старательно записывая заказ в блокнот.

Казалось, он смутился:

– Э... А что входит в фирменный завтрак?

Нет. Только не это.

– Хм... Сэндвич с курицей и яйца-пашот. – Брякнула я, искренне надеясь на то, что это окажется правдой.

– Давайте. – Быстро согласился парень.

– Хорошо. – Я попыталась прочесть свои же каракули. – Американо и... фирменный завтрак?

– Верно.

Развернулась и пошла меж столиков на кухню.

– Девушка?

Это уже плотный мужчина в деловом костюме за соседним столиком.

- Да?
 - Можно мне оладьи и йогурт с гранолой?
 - Конечно. – Медленно выдохнув, обхватила пальцами карандаш, нацарапала пару закрючек в блокноте. – Что-то еще?
 - И горячий шоколад.
 - Угу. Оладьи, йогурт, горячий шоколад?
 - Да, спасибо.
 - Хорошо.
- Возможно, когда-нибудь этот дурдом не будет казаться мне таким ужасным. Но вряд ли. Потопала на кухню, пока меня еще кто-нибудь не окликнул.

12

Илья

Я опоздал в институт, но, кажется, взамен получил гораздо больше.

Она необычная. Очень. Не удостоила меня даже взглядом. Лишь слегка приподняла уголки губ в дежурной улыбке. И это хорошо. Иначе бы я точно лишился дара речи, увидев снова ее глаза.

Задумчивая. Или даже немного растерянная. Словно не от мира сего. Выслушала мой заказ, кивнула и удалилась. Вернулась минут через пять, поставила передо мной чашку горячего шоколада. А на соседний столик отнесла мой американо. Опустив плечи, развернулась и поспешила удалиться. Молча.

Мужчина в костюме, оглядев свой напиток, поднял руку и, хотел было, громко возмутиться, но я поспешил его остановить:

– Вот ваш горячий шоколад. – Слышал, как он его заказывал. Взял свою чашку, подошел и поменял. – Перепутала просто девушка. – Объяснил ему. – Бывает.

Мужик недоверчиво уставился в кружку. Такой обмен его явно не устраивал, но возмущаться он не стал.

– Безобразие. – Просто проворчал себе под нос.

– Да. – Поддержал я, улыбаясь самому себе.

Безобразие. И еще какое. Черноволосое. Кареглазое. Тонкое и ладное безобразие со смуглой кожей и восхитительной улыбкой.

Только вот имени я ее так и не узнал. Бейджика на груди не было.

Отхлебнув обжигающе горячего кофе, я принялся сверлить глазами серую дверь в углу. Вот. Уже скоро. Оттуда появится она. И мое сердце снова затрепещет, как пойманный в кулак мотылек. А еще язык онемееет, дыхание собьется, и я буду чувствовать себя последним дураком, которого зачем-то лишили мозгов.

Вдруг в кармане зазвонил телефон. Я достал его, посмотрел на дисплей и поморщился. «Евгений Иванович». Несколько секунд раздумывал, отвечать ли, затем неохотно коснулся зеленой кнопки.

– Да. – Приложил аппарат к уху.

– Илья! – Голос отца звучал недовольно и раздраженно.

Ничего нового. Других оттенков его настроения мы почти и не знали.

– Да. – Повторил, не отрывая взгляда от заветной двери.

К тому, что он не здоровался, мы уже давно привыкли. Отеческим теплом он нас тоже не достаивал, даже изредка.

– Буду дома часа через два. – Сообщил отец.

Зачем? Я даже усмехнулся. У него уже давно (а если быть точным уже месяца четыре) был свой дом.

– Ладно. – Тихо ответил ему.

– Вы будете? – Спросил он сурово.

– Хм...

Учеба. Тренировка. Ослепительно красивая и сногшибательно милая девушка-официантка, в конце концов.

– Чтобы были оба. – Сказал отец безапелляционно. – У меня к вам серьезный разговор.

– Я...

– До связи.

И в трубке прозвучали гудки, а затем почти сразу же повисла оглушающая тишина.

– И тебе тоже до свидания. – Вздохнул я и убрал телефон в карман.

И тут меня будто током дернуло. Этот идиот, мой братец, разнес вчера половину дома! Еще и оставил в гараже угнанную тачку! А уборщица наведается к нам не раньше завтрашнего утра. Черт... Кирилл, наверняка, еще дрыхнет. И не берет трубку у отца, поэтому тот и звонит мне.

Вот же заноза! Сколько мне от него проблем...

Вскочил с места, не зная, как лучше поступить. Аромат горячего кофе в кружке еще поднимался вверх терпким паром, щекочущим ноздри. Ни девушки, ни моего заказа на горизонте не было видно. Невезуха!

Взгляд упал на салфетки, стоящие в специальной подставке на столе. Можно ведь написать. Но что? Свой номер? Я ж не девчонка. Оставлю ей какую-нибудь записку и деньги за свой несостоявшийся завтрак.

Быстро достав из внутреннего кармана куртки тетрадь, свернутую трубочкой, расправил ее и отсоединил шариковую ручку, прикрепленную к обложке. Быстро пролистав несколько блоков цветных страниц, остановился на бледно-розовых.

Нет. Какая же пошлость. Вот. Есть зеленые. Вполне серьезные, мужские. Но не романтические. И подошли бы разве что для сухого официального письма, а я собирался написать...

Боже, что я несу? Еще и сам с собой разговариваю.

Надеюсь, мысли мои никто не слышит?

Вырвал лист желтого цвета. Написал. Свернул ромбиком. Сверху вывел: «Девушке без имени». Достал из кармана купюру, вложил одним краем в записку, другой край придавил блюдцем, на котором стояла чашка с кофе. И быстро покинул кафе.

Когда добрался до своего квартала, прошло уже добрых полчаса. Хотя и торопился, как мог. Быстро вошел через калитку во двор и направился к входной двери, но вдруг заметил, что гараж открыт. Внутри было пусто. И то хорошо.

– Илюха! – Приветствовал брат, заметив мое появление на пороге.

Он сидел на диване в спортивных штанах и черной толстовке с накинутым на голову капюшоном. Ноги на столе, сам вальяжно развалился и с довольным видом считал новенькие зеленые купюры.

– Привет, – бросив лишь мимолетный взгляд на пачку денег, я скинул куртку, швырнул ее на стол и оглядел гостиную.

Кругом остатки вчерашнего праздника: мятые пивные банки, целые батареи пустых бутылок, десятки окурков в хрустальной пепельнице. На стекле помадой выведено: «Соня». Рядом – номер телефона. Тоже помадой.

На подоконнике объедки бутербродов с икрой и несколько маленьких квадратиков из фольги – презервативы. На каминной полке кубок, полный шампанского, и на нем точно так же, как на окне, разводы из помады.

Даже несколько разных отпечатков губ. Красные, розовые, бордовые, черные. Фу.

Я лишь покачал головой.

Ну, его. Пусть убирает сам.

– Буди своего Тима. – Сказал я, поднимаясь вверх по лестнице. – Вдвоем вам будет веселее прибираться. Отец едет, будет здесь через час. – Обернулся и с удовольствием отметил, что Кирюха заметно напрягся. – И не забудь проветрить помещение. Воняет, будто помер кто.

* * *

Маленькая блондинка с идеальными зубами и аккуратным вздернутым кверху носиком вошла первой. Кирилл от противного звука цокающих по плитке каблучков даже на секунду зажмурился. Наверное, башка с похмелья загудела.

В руках у гостыи (точнее прямо на огромном животе) покоилась собачка. Маленькая, с выпученными глазками, в цветастом комбинезончике с рюшами. Если честно – просто мелкая злобная тварь, готовая при любом удобном случае вгрызться своими зубами тебе в руку.

Это я про собаку. Если что.

Хотя хозяйке тоже подходило – та тоже вцепилась в нашего отца мертвой хваткой. Вернее в его кошелек. Зубами. А отец так, был лишь неплохим к нему приложением.

– Каким образом, думаешь, она гадит? – Шепнул мне Кирилл.

– Кто? – Нахмурился, косясь на него исподлобья.

– Не Олеся же. – Заржал он беззвучно. – Я про псину. – Встал с дивана, готовясь приветствовать вошедших. – А если навалит прямо в комбинезон?

– М-да. – Протянул я, махнув рукой мачехе. – Привет.

– Приве-е-ет! – Тут же подхватил брат и распахнул объятия для беременной жены отца.

Ему почему-то всегда казалось, что проявление благосклонности к отцовской пассивности прибавит ему дополнительных очков.

– Здравствуйте, мальчики! – Промурлыкала Олеся, спуская собаку с рук.

Она едва коснулась плеч Кирилла во время объятия. Похлопала. Типа. Конечно – ей ведь нужно было держать в целостности и сохранности свой драгоценный живот. Наследника. Преемника. Будущего кормильца, который должен был обеспечить своим рождением ей дальнейшую безбедную жизнь. Потому и не стала особо прижиматься к нелюбимым сыновьям, претендовавшим на нехилую долю имущества, которое она уже считала своим.

Олеся чмокнула брата в обе щеки. Точно так же – не касаясь. И двинулась вперед, чтобы «облобызать» и меня.

– Как дела? – Спросила, склонив голову набок. – Скучали тут без нас? – И протянула ко мне руки.

О, боже.

Я встал, подошел к ней и неохотно коснулся ладонями плеч, как бы приобнимая. В нос ударил запах духов и дорогих сигарет. Интересно, папочка знает, что его благоверная травит будущего наследника дымом?

– Все нормально. – Ответил я, подавив зевоту. – Все как всегда.

– Расскажите-ка мамочке, как у вас с учебкой? – Проворковала она, отстраняясь.

«Конечно. Ага. Мамочке. Старше нас всего на год», – подумал я про себя, а в ответ лишь натянуто улыбнулся.

И сразу же вспомнил, чем она всегда меня так раздражала.

– Я вчера взял первое место, – не смог не похвастаться Кирилл, усаживаясь задницей прямо на полированный стеклянный столик.

– Правда?! – Завизжала она, сжав кулачки. – Уииии! Поздравляю!

И снова бросилась его обнимать и целовать в обе щеки своими накачанными губами. Я брезгливо поморщился, но брат, кажется, был доволен. Принялся в красках расписывать свою вчерашнюю «победу».

– Так. Парни. – Снова решив не тратить время на приветствия, едва появившись в гостиной, начал отец. – Быстро и по делу. – Не глядя на нас, он что-то нажал в смартфоне и приложил его к уху. – Я решил продать этот дом. Мы с Олесечкой подумали и пришли к выводу, что у нас в последнее время прибавилось ненужных расходов по его содержанию, а у меня сейчас

в самом разгаре избирательная компания. К тому же соседи уже жаловались и не раз. Да и вам пора стать самостоятельнее и снять себе квартиру где-нибудь возле института. – Он подошел к зеркалу, привычным движением поправил густые брови и пригладил пальцем торчащий седоватый волосок на виске. Видимо, готовился к очередному выступлению или съемке. – Если все понятно, то давайте, приглядите себе жилье. На всё про всё у вас неделя. – Прокашлялся и плотнее прижал телефон к уху: – Да, Анатолий Ефремович, это Леманн. Доброго дня! – Это уже не нам.

Отец отвернулся и продолжил разговаривать, меряя шагами комнату.

Олеся виновато поджала губки. Но только на секунду. В следующее мгновение она уже, как ни в чем не бывало, любовалась свои красными, в тон обтягивающему платью, ногтями.

Кирилл заметно поник – задумался о чем-то.

Ну, и правильно. Пора бы поумнеть и взяться за голову. Его эра бездумной траты отцовских денег, похоже, только что неминуемо подошла к концу.

13

Нана

Не смогла сразу вспомнить, кто сидел за семнадцатым столиком. Вроде парень. Да. Высокий такой.

Исчез.

Я огляделась по сторонам, но не заметила никого похожего. Да и не помнила ладом, как он выглядел. Зато заказ отлично помнила. И он сейчас был у меня в руках. Сэндвич с курицей, от которого у меня едва ли не падали слюнки в тарелку. Блин. Точно ведь ушел! Вот мне теперь попадет...

Поставила заказанный им завтрак на стол и только тогда заметила торчащий из-под блюда край купюры. Обошла столик и под пристальным вниманием плотного мужчины за соседним столиком достала банкноты. Их было гораздо больше, чем положено. Чаевые? Виталик говорил, что посетители здесь редко балуют их подобными жестами.

Значит, мне повезло.

Вдруг что-то маленькое, желтое упало к ногам. Бумажка. Убрав деньги в карман, я нагнулась. Подняла ее. Аккуратный, сложенный в несколько раз квадратик бумаги в клеточку. Один край оказался шероховатым, словно лист был наспех вырванным из тетради. Перевернула его.

«Девушке без имени» – было выведено синей ручкой сверху. Печатными буквами.

Покрутила меж пальцев яркий квадратик. Тот был таким ярким, аж светился, как солнышко. Имели ли я право разворачивать его? Было ли что-то написано внутри? Я не знала. И как еще могла узнать, если бы не открыла? А раз уж девушек без имени кроме меня здесь не было, отважно развернула бумагу.

«Привет»

Всего шесть букв. Одно слово.

Оригинально. Наверно, все же кто-то потерял здесь это послание, и предназначалось оно не мне.

– Девушка, долго еще ждать мой заказ? – Проворчал мужчина, продолжавший следить за каждым моим движением.

– Сейчас узнаю, простите. – Быстро убрала бумажку в карман, подхватила тарелки и, лавируя между столиками, понеслась на кухню.

* * *

– Ну, как? Жива? – Виталик закинул длинный ремень сумки на свое тощее плечо и, согнувшись под ее тяжестью, направился к двери.

– Ага. – Выдохнула я, двинувшись за ним следом.

После такого сумасшедшего дня в голове было настолько пусто, что я боялась, что меня подхватит ветер и унесет высоко в небеса. Словно всю жизнь из моего тела выжали, выпили все соки. Истощилась морально.

– А ты молодец. – Он открыл передо мной дверь и пропустил вперед.

– Почему? – Спросила я, остановившись на крыльце черного хода.

– Смелая. – Парень пожал плечами. Перекинул ремень сумки через голову. Так нести ее было легче. – Справилась, хотя было сложно. Я-то знаю.

Я лишь вымученно улыбнулась.

– Это точно. Не понимала, что происходит вокруг. Совершенно. Одним ухом слушала, как ты общаешься с людьми. Пыталась повторять какие-то фразы, но стыдно было, ужас.

– И вовсе не стыдно. – Виталик достал из-за уха сигарету, зажег ее и закурил. – Другие официантки вечно все путают, а ты ведь первый день всего. Втянешься еще.

Мне пришлось отойти. Я спустилась на пару ступеней вниз. Табачный дым инстинктивно ассоциировался у меня с отчимом. И с угрозой.

– Нет. Могло быть и лучше. – Мысль, что за моей спиной в тяжелом рюкзаке за спиной лежит съестное и немного денег приятно успокаивала.

– Не переживай. – Он затыкнулся и выпустил в сторону серый дымок. – Слушай, Юлик, а ты где живешь-то, вообще?

В горле пересохло.

Как сказать, что у меня нет дома? Что я здесь всего несколько суток, даже города не знаю и дальше нескольких кварталов от вокзала никогда не бывала?

– Здесь, недалеко. – Я нервно почесала щеку. – У меня дядя живет... возле вокзала.

– Ясно, – стряхнув пепел в урну, произнес парень. Спустился со ступенек. – Ну, тогда тебя не нужно провожать. Пойду на метро.

Он улыбнулся смущенно и растер носком ботинка пепел, упавший на асфальт.

– Хорошо. До завтра... – Кажется, я тоже зарделась.

– Пока.

И дружно двинулись в одну и ту же сторону. Замерли и вдруг расхохотались.

– Ты куда? – Спросила его.

– Я к переходу. – Виталик указал кивком головы вперед.

– А, понятно. Тогда мы сможем еще пару минут поболтать.

Серебристо-серые глаза моего спутника скользнули по моему лицу.

– С удовольствием.

Вечерний час-пик заполнил проезжую часть разномастными автомобилями. Пешеходная дорожка же была почти пуста, лишь вдалеке были видны десятки людей, стекающихся к переходу.

– Виталик, а... – я спрятала пальцы в карманах джинсов, – то, что мы с тобой взяли еды домой...

– Накажут ли нас за это? – Подсказал он.

– Да.

– Не накажут. – Усмехнулся парень. – Ведь никто не узнает об этом.

– Но ведь...

– Не беспокойся. Все так делают. – Его окурок полетел в ближайшую урну. – Видела бы ты, с какими сумками уходит домой Айваз! А иначе как? У него ж семеро по лавкам дома, а платят нам, сама видела, – мало. И зачем тогда оставшимся блюдам пропадать, правда?

– Наверное...

И все равно мне было как-то не по себе.

– А почему ты с дядей живешь? – Вдруг огорошил меня своим вопросом коллега.

– Э... – Я сглотнула от неожиданности. – У меня кроме него никого и нет.

– О... – Его лицо вытянулось. – Прости...

– Да ничего страшного.

– Давай лучше поговорим о погоде?

– Ха, – улыбнулась я, – ну, давай.

Когда мы с Виталиком разошлись каждый в свою сторону, я направилась дальше по улице. К «дому».

Ничего не выражающие лица спешащих прохожих. Шум машин. Огни витрин, набирающих свет, в начавшем темнеть пространстве каменных джунглей. Запахи. Терпкие нотки французских духов из приоткрытой двери парфюмерного магазина, обволакивающий и сладковатый аромат корицы возле булочной, горечь сизого дыма выхлопных труб многочисленных машин и запах прибитой пыли после мелкого вечернего дождя.

Все это причудливо переплеталось, создавая какую-то уникальную гармонию. Город жил. Дышал. Он пах деньгами: дорогими бутиками, отелями, дизайнерской обувью в стеклах витрин. Манил яркими красками, большими возможностями, звенел каблуками, рекламой из громкоговорителей, трелью дорогих смартфонов в карманах модных пиджаков. И одновременно вонял затхлостью старых подъездов, мусором из подворотен, бродячими животными с облезлыми хвостами и спящими бездомными в темных подворотнях.

Город был похож на муравейник. Суматошный, волнующийся, тесный. Город был светел, как чистый лист. Просторный, новый, диковинный. Хочешь – пиши в нем свою историю. Хочешь – просто стань запятой в истории чужой. Повезет – окажешься восклицательным знаком. Лишь бы не точкой. Она ведь слишком мала и незаметна на карте жизни. К тому же конечна.

А здесь... Здесь можно было начать новую жизнь. Чувствовать себя цельной, сильной, свободной. И просто наблюдать. Затеряться в толпе и одновременно быть ее центром. Остановиться и просто слушать этот шум, движение, питаться ими, осознавать себя их частью. Быть маленьким окошечком в огромном городе, который никогда не спит. Быть никем и всем одновременно.

А потом побежать. Нестись по этим улицам наугад быстрее ветра. Узнавать все новые и новые дороги. Видеть дома, дворы, людей. Все чужое. Незнакомое. Зато настоящее и живое. И потому рождающее необыкновенный трепет в душе.

Любовь к тому или иному городу рождается ведь именно из тех чувств, которые ты в нем испытал, а не из его внешней оболочки. Это место дало мне свободу. В минуту отчаяния подарило крышу над головой. Приютило, обогрело. Показало, каким уютным оно может быть.

Но местные жители... Надо признаться, они все здесь носили лица-маски, и этого трудно было не замечать. Люди словно знали, что их город – всего лишь притаившийся голодный монстр. Поэтому в толпе легко можно было отличить приезжих – взгляд широко распахнутых глаз, по сторонам, а не сквозь тебя, беспокойство и... восхищение. Неподдельное, какое бывает лишь у маленьких детей, совершающих свои первые открытия.

Чем больше город, тем сильнее в нем люди заморожены душевно. Защитная реакция такая. Иначе – не выжить. Безумный темп, все на бегу, и, чтобы не реагировать на внешние раздражители, они будто надевали на себя коробки из-под холодильника. И вот десятки тысяч таких коробок шли друг другу навстречу, ехали в метро, убивали время в душных офисах. Даже спали они все в коробках.

Наверное, в такой защитной оболочке людям удобнее жить. Да что уж там – даже нырять в виртуальный мир экрана мобильного удобнее. Полный отрыв от реальности. Иначе, этот город, кажущийся таким гостеприимным, непременно сожрет тебя заживо. Вывернет наизнанку и поставит на колени перед одиночеством, которое ты так старательно игнорировал.

Наверное, поэтому жители мегаполиса не смотрят ему в лицо: они, как обтесанные водой гладкие камешки. Приспособившиеся, но не сломленные. По крайней мере, не знающие о том, что этот мир уже наступил им на горло мягкой беспощадной лапой и медленно вытягивает остатки жизни.

Большой город – лучшее место для уединения.

Мой чердак – место, с которого открывались самые красивые виды.

И я мечтала поскорее добраться до него, чтобы надеть наушники и, погрузившись в мир музыки, приникнуть носом к прохладному стеклу окна.

А за ним...

Самые высокие здания, самые ветхие трущобы. Самые яркие звезды, самая серая пыль на крышах. Самые влиятельные люди и самые порочные. Сильные и слабые. Благородные и жестокие. Богатые и бедные. Миллионы жителей, смотрящих только лишь себе под ноги. И единицы тех, кто все еще замечал небо надо головой.

14

Илья

Поставив железного Зверя после изнурительной тренировки в фургон, я отвез его в гараж. Пересел там на свой старый дорожный байк Honda CBR 1000RR, оранжевый с черным, и погнал в сторону кафе.

Адреналин бурлил в крови, радостно заставлял стучать сердце. Быстрее. Еще быстрее. Боль в плече почти утихла и больше не создавала мне таких неудобств как вчера. Я даже позволил себе превысить скорость на оживленных улицах, за что тут же чуть не поплатился – меня лихо подрезал в отместку какой-то мажор на «мерине» S-класса.

С трудом удержавшись в седле, я выровнял байк и сбавил скорость. Гоняться с ним не стал: не было времени и желания. Торопился к закрытию заведения. Мне было не важно, что скажу ей, как буду знакомиться и буду ли, вообще. Может, возьму и просто украду эту девушку. Да. Не важно, кто она такая, и есть ли у нее...

Я едва не впечатался в бордюр, резко притормозив. Служебный выход оказался там, где я и предполагал – с обратной стороны здания. Маленькая, неприметная дверка. Вот только вышла она оттуда не одна. Замялась на крыльце, о чем-то разговаривая с тощим лохматым пацаном, похожим на циркуль, а затем робко спустилась на две ступеньки вниз, когда он закурил.

Я снял шлем, положил на бензобак и принялся за ними наблюдать. Ее волосы мягко развевались на ветру. Мое сердце от этого зрелища гудело прерывисто, точно неисправный мотор. В воздухе все еще пахло редким летним дождем, а я, глядя на нее, ощущал лишь запах, который запомнил, когда она подходила ко мне утром.

Соленое море, песок, кожа, только что обцелованная южным солнцем, и едва ощутимый аромат земляничного мыла, исходящий от нее.

Да, именно мыла. Странно, но именно так я и почувствовал.

Они болтали, стоя всего в метре друг от друга, и совершенно меня не замечали. А мой пульс все ускорялся и разгонялся уже до немислимых величин. Да и не только мой. Кажется, и пульс всего города тоже. Рядом с ней оживало буквально все.

Ничего подобного раньше со мной не происходило. Это было так... неожиданно, неправильно и приятно одновременно. Когда они прошли мимо по направлению к переходу, я почувствовал себя школьником, забывшим стихотворение у доски в самый важный момент. Все слова, которые собирался сказать, все мысли, которые накопились в голове за целый день, они будто испарились в секунду. А она все продолжала и продолжала светиться, совсем как тогда, утром.

И мне нестерпимо захотелось ее сфотографировать. Запечатлеть на память. Я даже пожалел, что не взял с собой мамин фотоаппарат. Он лежал дома в коричневом чемодане с остальными вещами, которые от нее остались.

И теперь я по-идиотски улыбался вслед этой девушке. Ловил взглядом каждый ее шаг, казавшийся удивительно грациозным и легким. Улыбался самому себе. Тому, какой же я придурак, и тому, почему никогда об этом не догадывался раньше.

Все еще слыша ее голос, такой нежный, такой мелодичный, я понимал, что у меня появилась мечта – дотронуться до нее. Узнать, кто эта девушка. И узнать, зачем у меня внутри все переворачивается, когда она рядом.

Нана

«Дождь в глазах»

Маленькую желтую записочку с таким текстом я обнаружила сегодня в салфетнице на семнадцатом столике. Огляделась по сторонам. В общей суете кафе никто не вызывал даже малейших подозрений. И вряд ли это опять предназначалось именно мне. Успокоив себя этими мыслями, я продолжила работу.

Но ближе к вечеру вдруг заметила, что среди салфеток опять что-то желтело. И это уже походило на какую-то игру. Странную.

И, если честно, она мне совсем не нравилась.

Пугала.

Настороженно оглядываясь на посетителей, я выудила послание и спрятала в карман. Приняла заказ у вновь пришедших, отдала его поварам и, покинув помещение кухни, навалилась спиной на стену в коридоре.

Дрожащими пальцами быстро развернула бумажку. Сердце замерло. Тук. Какое-то забытое ощущение трепета вперемешку с тревогой поднялось к горлу. Я опустила глаза на записку.

Тот же почерк.

«Но когда у тебя хорошее настроение, в глазах проясняется. Я вижу радугу, а за ней и солнце».

Какой бред.

Но мило...

Шумно выдохнув, я быстро спрятала бумажку в карман, к остальным таким же. Переведя дыхание, взяла тарелки и вышла в зал. Как ни пыталась, не смогла понять, был ли автор посланий одним из присутствующих. И если был, то кем именно?

– Виталик, ты не знаешь, – начала я, когда мы вышли после работы из кафе, – кто оставляет записки на семнадцатом столике?

– Записки? – Паренек удивленно взметнул брови.

– Да. Желтенькие такие.

– Нет. – Он зажал зубами сигарету. – Это же твои столики. А что там? В записках?

– Да... ничего. – Улыбнулась я. – Просто думала, вдруг ты видел. Может, приходил кто. Там все время разные люди сидят, постоянные посетители в основном садятся в глубине зала, а этот столик у окна, возле самой двери. Не самое удобное место. И все не могу понять, кто же успевает туда записки подкладывать.

Виталик закашлялся.

– А что пишут-то? Угрозы или любовные послания?

– Да... В общем, неважно.

15

Илья

А сегодня, когда я ехал по дороге из института, она вышла пообедать прямо на улицу. Возле кафе поставили несколько столиков под зонтами, она села за один из них. На ней уже не было фирменного передника, обычные джинсы и футболка. Девушка поставила перед собой стакан сока, печенье на блюдце и, словно не замечая происходящего вокруг, задумчиво уставилась на дорогу.

Усталость в позе, в опущенных вниз плечах, в уголках губ. Я бы даже сказал, какая-то горечь. Но особая. Когда закрываешь веки на пар секунд, выдыхаешь медленно и ждешь, что вот сейчас, вот оно пройдет. А когда открываешь глаза, дышится уже заметно легче.

Я остановился на другой стороне дороги, припарковал мотоцикл и, не слезая с него и не снимая шлема, стал наблюдать. Жаль, что не видел с этой точки зарождающегося дождя в глазах девушки, хотя понимал по одному только языку ее тела, что он там был. Уже третий день время от времени я кружил возле этого кафе, и, кажется, знал ее наизусть.

Мне не хотелось, чтобы она грустила. И одновременно хотелось знать, что именно ее так печалило. Сам не понимал, почему оттягивал этот момент, почему не мог подойти, чего боялся. Чувствовал лишь, что хочу видеть ее, наблюдать, чтобы узнать лучше.

Даже если бы она исчезла, я вряд ли бы забыл ее черты.

Девушка взяла круглое печенье с блюдца и покрутила в руке. Попыталась разъединить две половинки, чтобы добраться до крема внутри, но печенье разломилось, осыпав крошками стол и ее колени. Она едва заметно дернула плечами. Посмеялась над собой.

Забавно.

Затем отпила немного сока через трубочку, достала ее, отряхнула легонько и приставила к глазу. Зажмурила второй, и принялась вглядываться куда-то.

С ума сойти... Она смотрела через соломинку для сока.

Странная. Необычная. *Удивительная.*

Я не удержался и беззвучно рассмеялся. Снял шлем, прижал к груди и, выгадав удобный момент, перебежал через оживленную улицу. Надо сказать, весьма удачно – мне даже не посигналили.

Пройдя у девушки за спиной, вошел в кафе. Жизнь там не останавливалась. Уже знакомый паренек бегал меж столиков, а возле бара опять стояли люди. Всего трое, но они создавали хороший заслон. Встав за ними, я достал листок, ручку, нацарапал на них нужные слова и свернул квадратиком.

Всего-то и нужно было: сделать пару шагов от двери и вложить записку в салфетницу. И уже через пять минут, сидя на байке в шлеме, я мог наблюдать через окно, как она берет ее, быстро прячет в карман, оглядывается по сторонам, а затем долго-долго смотрит на улицу через стекло.

Завтра.

Завтра утром я приду и сяду за тот самый столик. Только напьюсь успокоительного и привяжу руки к стулу, чтобы не вести себя, как дурак.

Нана

«Поворачивай половинки печенья в разные стороны. Так они не сломаются. И кстати. Зачем ты смотришь на мир через коктейльную трубочку?»

Мой взгляд бросился блуждать по кафе. Все посетители были заняты едой. Я смотрела, смотрела. Убрала бумажку в карман и подошла к окну. Сканировала глазами улицу, пока они не заслезились. Проще было кристалл соли в сахарнице найти, чем вычислить автора послания.

С дрожью в голосе я обратилась к Виталику:

– Стой. – Взяла его за локоть, притянула к себе. – Ты здесь никого не видел? Возле этого столика?

– Что? – Сначала он нахмурился, затем его губы растянулись в улыбке. – Нет. Опять записка?

Я показала край желтой бумажки, торчащий из кармана, и тут же спрятала его обратно в недрах джинсов, в которых Гарик с завтрашнего дня запрещал мне появляться на рабочем месте.

– Да. – Прошептала тихо.

Виталик прищурился.

– Похоже, у тебя появился преследователь. – И, рассмеявшись, он поспешил обратно, к своим столикам.

Ладно.

Тогда как тебе вот такой ход, а?

Я достала ручку, быстро нацарапала ответ и вложила бумажку в салфетницу. Довольная своей шалостью, улыбнулась и последовала в служебное помещение за фартуком. Плотно закрывать дверь не стала. Замерла возле образовавшейся щели, гадая, кто же придет, чтобы забрать записку. Ведь если он видел, что я ее оставила, то обязательно вернется. Деваться-то ему некуда.

Так кто же ты, загадочный незнакомец?

А, ну, выходи!

Кирилл

Тим навалил.

Не в прямом смысле. Обычно он садился ко мне в тачку, вытягивал ноги, разваливался на сидении, а затем бесцеремонно требовал «навалить волюмэ» – типа добавить громкости (англ. Volume*). Что он сейчас и сделал, но самостоятельно.

Не то, чтобы мой друг не умел читать по-английски, ему просто нравилось привлекать к себе внимание, для чего он и придумывал себе такие «фишки». «Хэллоу, хау а ю, бэйба?» – было его стандартной фразой для подката к девицам. Произнеся ее с умным видом, Тим обычно ржал над тем, как они разбегались в разные стороны. Не то, чтобы парень был конечным идиотом, но над манерами ему стоило бы поработать.

– Вот здесь. Да. – Тим подскочил на сидении, указывая на поворот. – Сюда сворачивай.

– Так тебе на вокзал надо? – Я повернул руль, въезжая на площадь. – Так бы сразу и сказал. – Сбавил громкость.

Левицкий хмыкнул.

– Кое-что нужно забрать с поезда.

Я даже притормозил. Машину дернулась и замерла у края дороги. Сзади недовольно посигналили.

– Ты во что опять лезешь, придурок? – Я повернулся к нему.

Тим сквасил невинное лицо:

– Да езжай уже. – И кивнул на пробку, собирающуюся позади нас.

Какой-то мужик на красной «вольво» начал мне сигналить, пытаясь объехать. Ему не хватало места для маневра.

– Да завали ты! – Крикнул я ему в окно. – Места навалом, заткнись и объезжай!

– Поехали. – Попросил Тим, натягивая козырек бейсболки на лицо.

Я тихонько тронул автомобиль с места. Звуки клаксонов тут же утихли. Мы двинулись к въезду на вокзальную площадь.

– Так ты мне скажешь, какого лешего забыл на вокзале? Раз уж я подписался на эту аферу вместе с тобой.

– Ты чо вечно кипишуешь? – Отмахнулся друг. – Просто кое-что получить нужно из Питера. Всего лишь пакетик.

Он глупо улыбнулся.

– Будто я не знаю, что в поездах через проводниц передают? Да? – Я покачал головой и крепче сжал руками руль. – Решил курьером заделаться? В барыги подался, ты, недоумок?

– Ти-хо, ти-хо! – Тим, отстраненно глядя в окно, достал пачку жвачки, отделил одну и закинул в рот. – Все нормально, Кирюша. С каких это пор ты стал таким пугливым?

Я резко вывернул руль и припарковал автомобиль в подходящем месте прямо у входа на вокзал.

– С тех пор, как ты попросил меня подвезти тебя за пакетом наркоты! – Заглушил двигатель и повернулся к нему. – У тебя башка совсем не варит, что ли? Какого черта ты в это лезешь? Мало денег? Так попроси у бати еще. У него его столько, что можно задницу подтирать баксами вместо бумаги.

Его глаза блеснули хитрым огоньком. Рот растянулся в неодобрительной улыбке.

– Когда мы тачку угоняли, тебе было весело, разве нет? – Он яростно задвигал челюстями, перекидывая комок жвачки то в одну сторону, то в другую. – А это тоже незаконно, не забывай.

– Да. – Я кивнул. – Но наркотики... зачем?

– Да не наркота там. – Он с шумом выпустил воздух изо рта. – Принесу и покажу. О'кей?

– Давай.

– Договорились. – Тим открыл дверь, вышел и нагнулся, заглядывая в салон. – Слышь?

– Что?

– Ты задницу-то свою доставай. Постой тут, посмотри по сторонам. Если движуху какую заметишь, набери меня. Ладушки?

– Вот же козел. – Усмехнулся я, когда дверь за ним закрылась.

Неохотно вылез из машины, закрыл дверцу, прошел и остановился на ступенях. С этой позиции отлично просматривалась вся площадь. Спрятав руки в карманы, я уставился вдаль на толпу школьников с тяжелыми туристическими рюкзаками, собиравшимися в компании учителя явно в какое-то длительное путешествие.

Перевел взгляд на свою тачку – точнее не мою, батину. Которую тоже скоро придется ему вернуть. Надо же, а эта Олеся оказалась той еще акулой. Подмяла под себя нашего отца, напела, чтобы продал дом и перестал нас содержать. А дальше что будет? Отнимет тачку, решит продать байки? Ладно Илюхе, у него старье. А я? Мой дракон со всеми его примочками потянет на нехилую сумму. Однушку в центре точно можно на эти деньги купить.

Вот же стерва блондинистая, развела его старого, как малолетнего щенка. И коту под хвост теперь все мои старания. Втирался, втирался ей в доверие, шаньги мазал. Правильно Тима говорил, надо было сразу ее в койку валить. Была бы послушнее, а у меня, глядишь, появились бы рычаги воздействия.

Сплюнул на асфальт и замер вдруг, выхватив глазами из толпы... девушку. Даже в ушах зазвенело. Как в кино. Когда ты видишь цыпочку и совершенно не думаешь, что у нее там, под одеждой. Просто стоишь, смотришь, и тебе уже хорошо.

Хорошо от одного только вида ее волос, отражающих солнечный свет. От упрямой походки и наморщенного в недовольстве носика. От тонких черт крохотного женского личика и прикушенных в задумчивости гранатовых сочных губ.

Ого, надо же, как меня пробрало.

Конечно, мне попадались такие красотки, с которыми понимал, что хочется только медленно, ласково и с большим количеством поцелуев. Да и было это всего раза два. И обе они в итоге оказались пустышками, всего лишь строившими из себя недотрог. Пара комплиментов, светануть деньгами, романтическая фраза про ее глаза, и готово – она твоя.

Но эта...

С первой секунды показалась мне диким цветком. Недоступным, но податливым своему хозяину. Тому, кто первым его сорвет и вдохнет манящий аромат невинности.

Я облизнул пересохшие губы, наблюдая, как легко она перемещается по площади. Простенькие джинсы, футболка, кофточка. Совсем юная и уже по-женски грациозная. Гордо несущая свою красоту – ту, что не сразу бросается в глаза своей яркостью. Красоту природную: горячую кровь, бархатную кожу, плавные изгибы тела, кошачью поступь. Все, что заводит мужчину сильнее, чем короткие юбки и призывные взгляды. Она несла миру красоту, которая покоряла, подчиняла своей воле. Красоту, которой стоило бы опасаться каждому, кто достаточно умен.

16

В другой раз я бы точно сорвался. Действуя по привычной схеме, подошел бы и стрельнул номер ее телефона.

А тут... Стоял, будто пристыв к асфальту, и не дергался. Будто понимая, что мне это совсем не нужно. Что этот манящий запретный плод может стать большой проблемой. И даже, когда девушка вдруг притормозила в нескольких метрах от меня и начала что-то искать в недрах своего рюкзака, я не шелохнулся ей навстречу.

Может, боялся встретиться взглядом. Сам не знаю, чего, но боялся.

– Вот же овца! – Взревел вдруг Тим, возвращая меня к реальности.

На полной скорости он врезался в ничего не подозревавшую девушку. Его пакет, обернутый плотной бумагой, взлетел в воздух и приземлился прямо к ее ногам. Незнакомка от столкновения с плечом Левицкого потеряла равновесие и, отлетев на пару метров назад, упала. Содержимое ее рюкзака вывалилось на асфальт, а сама она, кажется, и вовсе потеряла на мгновение ориентацию в пространстве.

– Коза тупорогая! – Нагнувшись, Левицкий быстро подобрал свой пакет. – Смотри, куда прешь, дура!

Девушка проморгалась и растерянно взглянула на него:

– Ты это кому сейчас сказал? – Спокойно и без тени грубости в голосе. – Мне?

Оперлась ладонью о поверхность асфальта.

– Тебе, курица! – Тим оглянулся по сторонам и спешно спрятал пакет в карман.

Я уже спешил к ним. Буквально летел.

– Да пошел ты. – Произнесла она, презрительно глядя на него, и попыталась встать.

– Чо? Ты это кому?! Мне?!

– Давай, помогу. – Предложил я, наклоняясь и подавая ей руку.

Девушка вздрогнула, увидев меня. Руки не подала. Помощь принимать она явно не собиралась. Темно-карие глаза с яркими вкраплениями янтарного и золотого блеснули недоверчиво и принялись оглядывать рассыпанные по асфальту вещи.

– На черта ей помогать? Ты еще зад оближи этой оборванке! – Рассвирепел Тим и яростно пнул первое, что попало под ногу – большие наушники с розовыми подушечками из искусственной кожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.